

СДЖ. БЕННЕТ ВИНДЗОРСКИЙ УЗЕЛ

Героиня
сериала
“Корона” в роли
мисс Марпл

CoRpus

● СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ●

Следствие ведет Ее величество

С. Д. Беннет

Виндзорский узел

«Corpus (АСТ)»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Беннет С. Д.

Виндзорский узел / С. Д. Беннет — «Corpus (АСТ)»,
2020 — (Следствие ведет Ее величество)

ISBN 978-5-17-123569-7

Это первая книга из серии детективных романов, в которых королева Елизавета II раскрывает преступления, продолжая, разумеется, исполнять королевские обязанности. Происходит все весной 2016 года, незадолго до девяностолетия королевы. В Виндзоре королева устраивает небольшой прием, но утром одного из гостей находят мертвым. Все обставлено так, будто молодой русский пианист задушил себя сам, однако странно завязанный узел наводит на другие мысли. Следственная группа допрашивает самых преданных слуг Елизаветы, но она понимает, что искать виновника преступления надо в другом месте.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-123569-7

© Беннет С. Д., 2020

© Corpus (АСТ), 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Часть вторая	32
Глава 7	32
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

С. Дж. Беннет

Виндзорский узел

*Посвящается Э.
А также Чарли и Роз, объединяющим прелесть вымысла с
поисками правды*

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© S. J. Bennett, 2020 All rights reserved

© Ю. Полещук, перевод с на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

18+

Часть первая
Honni soit qui mal y pense

Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает
ДЕВИЗ ОРДЕНА ПОДВЯЗКИ

Апрель 2016 года

Глава 1

Стоял почти идеальный весенний день. Воздух был чист и свеж, в васильковом небе тянулись белые полосы – инверсионные следы самолетов. Впереди, за деревьями Хоум-парка, серебрился в утреннем свете Виндзорский замок. Королева остановила своего пони, чтобы полюбоваться пейзажем. Ничто так не согревает сердце, как солнечное утро в сельской Англии. За восемьдесят девять лет Ее величеству не наскучило восхищаться созданиями Всевышнего. Точнее, эволюции. Но в такой дивный день поневоле вспоминаешь о Боге.

Если бы ее спросили, какую из резиденций она любит больше всего, она выбрала бы эту. Не Букингемский дворец: там живешь словно в помпезном офисном здании на оживленном перекрестке. Не Балморал¹ и не Сандрингем², хотя она с ними сроднилась. Но лишь в Виндзоре она чувствовала себя дома. Здесь прошли счастливейшие дни ее детства: особняк Ройал-Лодж³, рождественские пантомимы, конные прогулки. Сюда возвращаешься на выходных, чтобы отдохнуть от бесконечных городских церемоний. Здесь упокоился папа и любимая мамочка, а рядом с ними и Маргарет⁴, хотя захоронить ее прах в уютном родительском склепе оказалось не так-то просто⁵.

Если когда-нибудь случится революция, подумала королева, она попросит, чтобы ей разрешили поселиться именно здесь. Хотя вряд ли ей это позволят. Скорее всего, революционеры вышлют ее... куда? За границу? Если так, она отправится в Виргинию, названную в честь ее тезки, – на родину Секретариата, который в 1973-м выиграл “Тройную корону”⁶. Между прочим, не худшая перспектива, если бы не Содружество, бедный Чарльз, Уильям и маленький Джордж, его славный наследник: какое счастье, что после всех ужасов он появился на свет!

Но лучше, конечно, остаться в Виндзоре. Здесь можно выдержать что угодно.

Издаലെка замок выглядел праздным и сонным: казалось, ничто не нарушает его покой. Однако это была лишь видимость. Внутри трудились пять сотен человек. Целое селение, причем чрезвычайно деятельное. Ей приятно было думать обо всех – от дворцового эконома, который ведет счета, до горничных, стеливших постели после вчерашнего *soiree*⁷. Но сегодня на все легла тень.

Молодого русского пианиста, выступавшего на вчерашнем приеме, сегодня утром нашли мертвым в постели. Вероятно, умер во сне. Его представили королеве. Она даже потанцевала с ним. Такой юный, такой талантливый. Такое горе для близких.

Пение птиц утонуло в глухом рокоте. Заслышав в небе пронзительный вой, королева подняла голову и увидела заходящий на посадку “эйрбас А330”. Если живешь возле Хитроу, поневоле выучишь наизусть все самолеты, хотя узнавать очертания современных пассажирских лайнеров – невелика хитрость. Гул самолета вывел ее из раздумий и напомнил о том, что пора заняться бумагами.

Она мысленно отметила, что нужно будет спросить, как себя чувствует мать погибшего. Говоря по правде, обычно ее не интересовали чужие незнакомые родственники. И со своими забот хватает. Но что-то подсказывало ей: тут случай особый. Ее насторожило, с каким выражением лица секретарь утром докладывал ей об этой новости. Как ни старались подданные

¹ Замок Балморал расположен в Шотландии, в округе Абердиншир, на берегу реки Ди. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Сандрингемский дворец находится в графстве Норфолк.

³ Королевская резиденция в Виндзоре.

⁴ Принцесса Маргарет, графиня Сноудон (1930–2002) – младшая сестра Елизаветы II.

⁵ В склепе было немного места, и чтобы захоронить Маргарет к родителям, ее пришлось кремировать.

⁶ Выигрыш трех самых престижных скачек на чистокровных лошадях.

⁷ Званный вечер (*фр.*).

оградить ее от волнений, она всегда догадывалась, если что-то не так. А сейчас, вдруг поняла она, что-то определенно не так.

В малой столовой с узорчатым готическим потолком заканчивали завтракать. Управляющий королевской конюшней, архиепископ Кентерберийский, бывший посол в России и другие гости, оставшиеся ночевать, доедали яичницу с беконом.

– Занятный вечер, – сказал управляющий архиепископу, который сидел слева от него. – Не знал, что вы танцуете танго.

– Я и сам не знал, – простонал его собеседник. – Не устоял перед обаянием этой маленькой балерины. Теперь вот в прямом смысле стоять не могу: до того болят икры. – Архиепископ понизил голос: – Скажите, насколько смешно я выглядел по десятибалльной шкале?

Управляющий скривил губы.

– На одиннадцать баллов, как говаривал Найджел Тафнел⁸. Никогда не слышал, чтобы королева так смеялась.

Архиепископ нахмурился.

– Тафнел? Неужели он вчера был здесь?

– Нет. Я о *Spinal Tap*.

– Бог мой, – смущенно ухмыльнулся танцор поневоле.

Он наклонился, чтобы потереть ногу, и встретился взглядом с сидящей напротив молодой женщиной, изумительно красивой и стройной, как фотомодель. Казалось, ее большие темные глаза смотрят ему прямо в душу. Женщина слабо улыбнулась. Архиепископ вспыхнул, как мальчишка-хорист.

Но Маша Перовская смотрела не на него, а сквозь него. Никогда еще ей не доводилось бывать на таких приемах, как вчера, и она до сих пор смаковала каждую его секунду.

“Званный ужин с ночевкой, – мысленно повторяла она. – Званный ужин с ночевкой. На прошлой неделе я была на званом ужине с ночевкой в Виндзорском замке. Да. У Ее Величества королевы Англии. Вам не доводилось бывать у нее? Это очень мило. – Можно подумать, она каждую неделю ужинает в Виндзоре с королевой. – Нам с Юрием отвели покои с видом на город. Ее Величество пользуется таким же мылом, что и мы. У нее прекрасное чувство юмора. А какие бриллианты, умереть не встать...”

Муж ее, Юрий Перовский, лечил мощнейшее похмелье коктейлем из сырых зеленых овощей и имбиря, изготовленным по его личному рецепту. Здешняя прислуга, бесспорно, знала свое дело. Юрий слышал, будто королева держит хлопья для завтрака в пластмассовых коробочках (правда, утром ее за столом не было). Он ожидал увидеть старинную английскую “потертую роскошь”, читай – запустение, дурное отопление и облупившуюся краску. Однако его явно ввели в заблуждение. Малую столовую, к примеру, украшали изысканные красные шелковые портьеры, обеденный гарнитур с дюжиной позолоченных стульев и девственно-чистый ковер с уникальным орнаментом. Остальные покои тоже были обставлены безупречно. Даже его дворецкий не нашел бы, к чему придраться. А какой вчера подавали портвейн! И вино. Кажется, еще и бренди? Прошлый вечер он помнил смутно.

Превозмогая головную боль, он повернулся к сидевшей слева даме, жене бывшего посла, и спросил, не порекомендует ли она персонального библиотекаря – наподобие того, с кем они познакомились вчера после ужина. Жена бывшего посла таких не знала, однако же у нее была масса начитанных друзей, которые нуждались в деньгах, а потому она постаралась быть обаятельной на одиннадцать баллов из десяти возможных и дала необходимые рекомендации.

⁸ Участник британской пародийной хард-рок-группы *Spinal Tap* (его роль исполнил Кристофер Гест). Фраза про одиннадцать баллов впервые прозвучала в фильме 1984 года “*This is Spinal Tap*”, где Тафнел демонстрирует ручку регулировки громкости с делениями от 1 до и вместо обычных от 1 до 10.

Беседу их прервало появление высокой черноволосой женщины в отутюженном брючном костюме, которая театрально застыла в дверях, уперев руки в боки и трагически поджав карминовые губы.

– Ах, прошу прощения! Неужели я опоздала?

– Вовсе нет, – дружелюбно ответил управляющий королевской конюшней, хотя она, конечно же, опоздала ужасно. Большинство гостей уже вернулись к себе, чтобы присмотреть за тем, как собирают их вещи. – Мы никуда не торопимся. Садитесь рядом со мной.

Мередит Гостелу подошла к стулу, который выдвинул для нее лакей, и благодарно кивнула в ответ на предложение принести ей кофе.

– Вы хорошо спали? – раздался знакомый голос справа.

Это был сэр Дэвид Аттенборо. Услышав эту певучую, заботливую интонацию (точь-в-точь как по телевизору!), Мередит Гостелу почувствовала себя вымирающей пандой.

– Э-э-э, да, – солгала она, обвела взглядом стол, заметила, что красавица Маша Перовская улыбается ей, и едва не села мимо стула.

– Я вот не спала, – хрипло пробормотала Маша, и сидящие за столом повернули к ней головы – все, кроме мужа, который, нахмурясь, цедил свой коктейль. – всю ночь думала о красоте, музыке и... вот как в диснеевских...

– Сказках, – прошептал сидящий напротив нее посол, и голос его осекся.

– Да, в сказках. Правда? Я словно попала в сказку! Но в *шикарную*. – Она примолкла. Вообще-то она собиралась сказать другое, но плоховато знала английский; оставалось только надеяться, что восхищение поможет ей найти слова. – Везет вам. – Она обернулась к управляющему королевской конюшней: – Вы часто здесь бываете?

Он ухмыльнулся, словно она пошутила.

– Еще бы.

Не успела Маша узнать, что его так развеселило, как к ним подошел лакей в великолепном черном фраке и красном жилете, наклонился к ее мужу и что-то прошептал ему на ухо. Юрий вспыхнул, встал, отодвинул стул и молча вышел из столовой вслед за лакеем.

Впоследствии Маша пожалела, что завела речь о сказках. Как ей это в голову пришло? Ведь в каждой сказке, если вдуматься, действует нечисть. Силы зла подстерегают там, где не ожидаешь, и зачастую одерживают победу. Вместо того чтобы говорить о Диснее, лучше вспомнила бы Бабу-Ягу.

Всем и всегда угрожает опасность. Сколько ни надевай бриллиантов и мехов. Однажды я тоже состарюсь и останусь совсем одна.

Глава 2

– Саймон!

– Да, мэм?

Личный секретарь Ее величества, сэра Саймон Холкрофт, поднял голову от списка мероприятий и посмотрел на королеву. Она только что вернулась с конной прогулки и сейчас сидела за столом в серой твидовой юбке и кашемировом кардигане, подчеркивавшем голубизну глаз. Ее личная гостиная была очень уютной для готического замка: выдавшие виды диваны, множество драгоценных вещей и сувениров, скопившихся за целую жизнь. Ему здесь нравилось. Однако интонация государыни встревожила сэра Саймона, хотя он, разумеется, постарался это скрыть. – Тот юный русский. Вы ничего от меня не утаили? – Ничего, мэм. Насколько мне известно, тело отвезли в морг. Двадцать второго прилетит президент, нужно решить, будет ли вам угодно...

– Не отклоняйтесь от темы. У вас было такое лицо...

– Мэм?

– Когда вы сообщили мне эту новость. О чем-то явно умолчали, чтобы не расстраивать меня. О чем же?

Сэр Саймон сглотнул. Он прекрасно знал, о чем именно умолчал, чтобы не расстраивать свою немолодую госпожу. Но босс есть босс. Холкрофт кашлянул.

– Он был голый, мэм. Когда его обнаружили.

– Да?

Королева уставилась на секретаря. Представила стройного молодого человека, который лежит, обнаженный, под одеялом. Что же тут странного? Филип в молодости тоже терпеть не мог пижам.

Сэр Саймон уставился на королеву. Он не сразу сообразил, что известие не вызвало у нее удивления. Придется сказать все как есть; он собрался с духом и продолжал:

– Э-э-э, голый, но в фиолетовом халате. На поясе от которого он, к несчастью... – Холкрофт осекся, не в силах договорить. Государыне через две недели девяносто!

Но королева и сама догадалась – судя по пронзительному взгляду, который она бросила на секретаря.

– Вы хотите сказать, он повесился на поясе от халата?

– Да, мэм. Такая трагедия. В шкафу.

– В шкафу?

– Точнее, в гардеробе.

– Что ж. – Повисло недолгое молчание: королева и секретарь представили себе эту сцену и тут же пожалели об этом. – Кто его обнаружил? – отрывисто спросила она.

– Одна из экономок. Кто-то заметил, что его не было за завтраком, и миссис... – он примолк на мгновение, вспоминая фамилию, – миссис Кобболд пошла посмотреть, проснулся ли он.

– Как она себя чувствует?

– Плохо, мэм. Насколько мне известно, ей потребовалась помощь психолога.

– Странная история... – Королева никак не могла отделаться от стоящего перед глазами образа.

– Да, мэм. По-видимому, это был несчастный случай.

– Неужели?

– Судя по тому, как он... и по состоянию комнаты. – Сэр Саймон снова кашлянул.

– Что – как он, Саймон? И что с комнатой?

Холкрофт глубоко вздохнул.

– Там обнаружили дамское... исподнее. Губную помаду. – Он закрыл глаза. – Салфетки. Похоже, он... экспериментировал. Для удовольствия. Вряд ли он хотел...

Секретарь уже побагровел. Королева сжалась над ним.

– Какой ужас. Полицию вызывали?

– Да. Комиссар поклялся вести дело строго конфиденциально.

– Хорошо. Родителям сообщили?

– Не знаю, мэм. – Сэр Саймон сделал пометку. – Но выясню.

– Благодарю вас. Это всё?

– Не совсем. Днем я собрал прислугу и попросил хранить случившееся в тайне. Миссис Кобболд отнеслась с пониманием. Я более чем уверен, что мы можем на нее положиться, и предупредил остальных, чтобы не болтали. Придется сообщить гостям о смерти мистера Бродского – разумеется, умолчав о том, как именно это произошло. Мистера Перовского уже известили: это ведь он его привез.

– Ясно.

Сэр Саймон покосился на список мероприятий.

– Еще нужно решить, где именно вам будет угодно встретить мистера и миссис Обаму...

И они вернулись к обычным делам. Однако утреннее происшествие не давало королеве покоя.

Подумать только, тело бедного юноши нашли не где-нибудь, а в Виндзоре. В шкафу. В фиолетовом халате.

Она и сама не знала, кого жалеет больше, человека или замок. Разумеется, смерть молодого пианиста – трагедия. Но замок ей ближе. Как вторая кожа. Ужасно, ужасно. И после такого чудесного вечера!

Весной королева любила провести месяц в Виндзоре: именно здесь она обычно встречала Пасху. Праздники проходили без избыточных дворцовых формальностей: вместо званных обедов на сто шестьдесят персон можно было устраивать вечеринки на двадцать человек и общаться со старыми друзьями. Однако на вчерашний прием Чарльз вынудил ее пригласить этих богатых русских: он рассчитывал уговорить их дать денег на какие-то его проекты.

Чарльз попросил позвать Юрия Перовского с его сверхъестественно красивой молодой женой и некоего Джея Хокса, управляющего хедж-фондом, который специализировался на российских рынках и был невыносимым занудой. В качестве одолжения сыну королева согласилась и вдобавок позвала кое-кого из своих знакомых.

Она пробежала глазами список гостей, копия которого до сих пор лежала меж бумагами на столе. Разумеется, в нем был сэр Дэвид Аттенборо. Неизменно приятный собеседник, вдобавок ее ровесник, а это теперь редкость. Правда, вчера настроение его омрачали последствия глобального потепления. Подумать только! Вдобавок на несколько дней приехал управляющий королевской конюшней: слава богу, его настроения никогда ничто не омрачало. Пригласила она и писательницу с мужем-сценаристом, чьи тонкие, полные юмора фильмы воплощали в себе квинтэссенцию всего британского. Были также ректор Итона с женой: они жили неподалеку и часто гостили в Виндзоре.

Ради Чарльза она пригласила и тех, кто имел какое-то отношение к России. Бывшего посла, который недавно вернулся из Москвы... Оскароносную актрису с русскими корнями, известную своей тучностью и острым языком... Кого еще? Ах да, ту знаменитую женщину-архитектора, которая сейчас строит в России величественный флигель какого-то музея, и преподавательницу русской литературы с мужем (в наши дни сложно догадаться, какого пола и ориентации тот или иной преподаватель – в чем Филипу пришлось убедиться на собственном горьком опыте, – но конкретно эта была замужняя женщина).

И кого-то еще... Она сверилась со списком. Ну конечно, архиепископа Кентерберийского. Он тоже был частым гостем и всегда умел поддержать разговор, если кто-то из собесед-

ников вдруг от смущения лишился дара речи, что, к сожалению, случалось нередко. Правда, в том, что порой они говорили не умолкая и не давали никому вставить слова, тоже не было ничего хорошего. Тут уж ничем не помочь: разве что бросить на болтуна строгий взгляд.

Королеве нравилось придумывать развлечения для гостей; мистер Перовский сказал Чарльзу, что привезет своего юного протеже, который “волшебным образом исполняет Рахманинова”. Пригласили также двух балерин: они должны были станцевать под фонограмму вариации из “Лебединого озера” в стиле имперского русского балета. Предполагалось, что зрелище будет изысканное, серьезное и проникновенное – и это, признаться, внушало королеве опаску. На Пасху нужно веселиться, Чарльзов же *fete a la russe*⁹ грозил оказаться унылым.

Однако попробовать стоило: никогда не знаешь, как все обернется в итоге.

Угощение было превосходное. Новая повариха, стремясь показать себя с лучшей стороны, сотворила чудеса; продукты взяли из Виндзора, Сандрингема и с огородов Чарльза в Хайгроуве. Вино, как всегда, было отменным. Сэр Дэвид, когда не пророчил планете неминуемую гибель, очень мило шутил. Русские оказались вовсе не такими унылыми, как она опасалась, и Чарльз лучился благодарностью (хотя они с Камиллой после кофе откланялись – завтра в Хайгроуве должен был состояться прием, и она почувствовала себя матерью студента, который появляется дома исключительно чтобы ему постирали одежду).

В легком подпитии они присоединились к прочим членам семьи, ужинавшим в Восьмиугольной столовой башни Брансуик, после чего перешли в библиотеку: королева хотела показать гостям кое-какие интересные книги из своей коллекции, в том числе прекрасные первые издания стихов и пьес русских авторов в переводах, которые она все хотела прочесть, но пока так и не собралась. Филип, который встал чуть свет, незаметно ушел к себе; оскарноносную актрису, чьим профилем все любовались и чьи высказывания о Голливуде немало всех позабыли, умчали в гостиницу неподалеку от киностудии “Пайнвуд”, где с утра пораньше должны были начаться съемки. Ну а потом... фортепиано и балерины.

Раслабившись как следует, оставшиеся перебрались в Малиновую гостиную слушать фрагменты Второго фортепианного концерта Рахманинова. Королева особенно любила эту комнату: стены здесь были обиты красным шелком, по бокам от камина висели величественные портреты мамочки и папы на коронации, днем из окон открывался вид на парк, вечерами горела роскошная люстра, а чуть дальше, в анфиладе залов, просматривалась Зеленая гостиная. Пожар 1992 года едва не погубил Малиновую гостиную, но теперь об этом ничего не напоминало: интерьерам вернули былую безупречность, и в такие вечера, как этот, было очень приятно собираться здесь.

Юный пианист, как и обещали, играл превосходно. Кажется, Саймон говорил, его фамилия Бродский? Лет двадцати с небольшим, подумала королева, однако манера исполнения вполне зрелая. Музыка захватила его совершенно; королева же вспоминала эпизоды из “Короткой встречи”¹⁰. А еще музыкант был хорош собой. Дамы не сводили с него глаз.

Потом настал черед балерин, и они премило станцевали свои номера. Маргарет бы понравилось. Правда, топтали как лошади, но в этом, видимо, виноваты пуанты. Затем юный мистер Бродский вернулся за фортепиано и исполнил танцевальные мелодии тридцатых годов. Откуда он их знает? Королева приказала отодвинуть мебель, и начались танцы.

Сперва гости робели, но потом Бродского за фортепиано сменил кто-то другой – кажется, муж преподавательницы русской литературы. Играл он тоже на удивление хорошо. Юный русский присоединился к танцующим. Подошел к хозяйке вечера, щелкнул каблуками, поклонился и спросил с мольбой во взгляде:

⁹ Праздник в русском стиле (*фр.*).

¹⁰ “Короткая встреча” (1945) – фильм режиссера Дэвида Лина, классика британского кинематографа. В фильме звучит Второй фортепианный концерт Рахманинова.

– Ваше Величество, не соблаговолите ли потанцевать со мной?

Что ж, манеры у него безукоризненные. Разумеется, она согласилась – и, не успев опомниться, уже позабыв о радикулите, танцевала фокстрот. В тот вечер на ней было легкое шифоновое платье с летящей юбкой. Мистер Бродский оказался опытным партнером и напомнил ей многие забытые шаги. У него была безупречная координация. С ним она почувствовала себя Джинджер Роджерс.

К этому времени почти все гости пустились в пляс. Музыка стала громче, энергичнее. Заиграли аргентинское танго. Кажется, за фортепиано по-прежнему был муж преподавательницы? Даже архиепископ Кентерберийский не удержался от соблазна, чем всех развеселил. Как бы красиво ни двигались гости, никому было не сравниться с русским и его партнершей – одной из балерин: до того величественно они танцевали.

Вскоре она удалилась к себе, заверив гостей, что они могут продолжать сколько им будет угодно. В былые дни королева перетанцевала бы половину чиновников из Министерства иностранных дел, теперь же в одиннадцатом часу ее уже клонило в сон. Однако это не повод прерывать хорошую вечеринку. Горничная потом сообщила ей, что, по словам одного из помощников дворецкого, веселье закончилось далеко за полночь.

Когда она уходила, мистер Бродский кружил по гостиной прелестную юную балерину. Таким королева его и запомнила – очаровательным, счастливым... полным жизни.

После обеда Филип пришел выпить с ней кофе; ему не терпелось поделиться новостями.

– Лилибет, ты уже слышала, что он был голый?

– Да, вообще-то слышала.

– Повесился, как тори. Кажется, для этого есть название. Автосекси... как его бишь?

– Аутоэротическая асфиксия, – мрачно поправила королева: она уже загнулила это на айпаде.

– Вот-вот, оно самое. Помнишь Баффи?

Разумеется, она помнила Седьмого графа Уондла, старого друга, который, если верить слухам, в пятидесятые был равнодушен к подобным утехам. Тогда в определенных кругах это считалось едва ли не *de rigueur*¹¹.

– Каково приходилось дворецкому, а? – заметил Филип. – Сколько раз он вынужден был спасти этого паршивца. А ведь Баффи и в одежде был далеко не красавчик.

– О чем он только думал? – удивилась королева.

– Ну, дорогая, я не желаю входить в подробности сексуальной жизни Баффи.

– Нет. Я о молодом русском. О Бродском.

– Что ж, нетрудно догадаться. – Филип обвел рукой комнату. – Ты же знаешь, как чувствуют себя люди в таких местах. Попав сюда, они решают, что это апогей их жалкого существования, вот и выпускают пар. Какое шумное веселье бурлит здесь, когда они думают, что мы за ними не наблюдаем... Бедняга. – Он сочувственно понизил голос. – Видимо, не подумал. Никому не хочется, чтобы его нашли с голым срамом в королевском дворце.

– Филип!

– Я не шучу. Неудивительно, что прислуга помалкивает. Вдобавок они щадят твои слабые нервы.

Королева впиалась в него взглядом.

– Они забыли. Я пережила мировую войну, скандал с этой Фергюсон и твою службу во флоте.

– Однако ж они полагают, что при малейшем намеке на пикантную историю тебе понадобится нюхательная соль. Они видят лишь старушку в шляпке. – Королева нахмурилась, и он ухмыльнулся. Последнее было справедливо, исключительно пронизательно и довольно

¹¹ Обязательным (*фр.*).

грустно. – Не расстраивайся, милая, они обожают эту старушку. – Он неуклюже поднялся со стула. – Ты помнишь, что днем я уезжаю в Шотландию? Дикки уверяет, что лосось в этом году клюет как никогда. Тебе что-нибудь принести? Может, помадку? Или голову Никола Стерджей¹² на блюде?

– Нет, спасибо. Когда ты вернешься?

– Где-то через неделю – как раз ко дню твоего рождения. Дикки не прочь загрязнить атмосферу и привезти меня на своем самолете.

Королева кивнула. Филип теперь предпочитал существовать по своему расписанию. Прежде ее расстраивало, когда он уезжал бог знает куда заниматься бог знает чем, а дела оставлял на нее. Быть может, в глубине души она завидовала его самостоятельности и свободе. Но он всегда возвращался – с новым энтузиазмом, овевавшим коридоры власти, точно свежий морской бриз. И она приучила себя быть благодарной.

– Вообще-то, – сказала она, когда он неловко – из-за артрита – наклонился поцеловать ее в лоб, – я бы не отказалась от сливочной помадки.

– Твое желание для меня закон.

Он улыбнулся (сердце ее, как обычно, растаяло от его улыбки) и направился к двери.

¹² Никола Стерджей (род. 1970) – премьер-министр Шотландии, первая женщина на этом посту.

Глава 3

Мерedit Гостелoу вылезла из черного такси, которое за баснословную сумму отвезло ее из Виндзора домой, на запад Лондона, и остановилась перевести дух, пока водитель доставал из салона ее чемодан.

Она смотрела на свой дом, выкрашенный в бледно-розовый цвет, и понимала, что никогда уже не станет прежней. Что-то переменилось, и она чувствовала страх, стыд и еще что-то, чему не подобрала бы названия. Она и сама не знала, о чем думает, но по ее припудренной щеке робко сползала слеза. С тех пор как менопауза, точно товарняк, сбила ее с ног, организм ее скупился на любую влагу. Она была молодой женщиной в теле старухи, в этом скрипучем плотском панцире, над которым она не имела власти. И после того, что случилось сегодня ночью, стало только хуже.

А утром... Она рухнула бы на колени, но сознавала, что уже не встанет.

– Это все, мэм?

Она оглянулась, убедилась, что сумочка и чемодан на месте, и кивнула. Она уже расплатилась с таксистом картой. Двести фунтов! О чем она только думала? Но не вызывать же в Виндзорский замок “убер”. Конечно, ей следовало бы прогуляться до вокзала и сесть на поезд в Лондон, как поступил бы на ее месте всякий разумный человек без машины, но в Виндзоре мысли текут иначе. Когда вокруг прислуга в ливреях, поневоле начинаешь швыряться деньгами. В такие места попадают лишь те, кто добился успеха. Накануне она двадцать минут разговаривала с архиепископом Кентерберийским о возможном заказе на строительство церкви двадцать первого столетия в Сазерке. После такого заказываешь такси, черт с ними, с деньгами... и расстаешься со стоимостью баночки крема “Ла Мер”¹³, абсолютно предсказуемо застряв в жуткой пробке на М4.

Некоторые люди... а, да что там – она сама... И хватит уже воображать себя богаче королевы. Между прочим, Ее величество тоже считает деньги. В общем, беда в том, что Мерedit Гостелoу одна.

Будь у нее партнер, он предложил бы ехать поездом. Партнер сказал бы: не торопись, подумай. Партнер не допустил бы... того, что случилось вчера. Партнер отвез бы ее домой на большой дорогой машине. И сейчас поднял бы ее чемодан на высокое крыльцо, до двери.

И говорил бы не умолкая, и диктовал бы ей, что делать, и нужно было бы готовить ему еду, стелить постель, уделять внимание: словом, ее жизнь превратилась бы в кошмар. Мерedit уже устала от этих дурацких мыслей и рассердилась на себя за то, что снова думает об этом.

Но вчера ночью что-то переменилось. В самой глубине ее нутра.

Кстати о нутре: ей срочно нужно в туалет. Одной рукой она подхватила чемодан, другой прижала к груди объемистую сумочку и потащилась вверх по ступенькам. Отыскала ключи, открыла дверь, швырнула сумки на пол, промчалась по коридору и еле успела плюхнуться на стульчак.

Вот она, старость. Когда влага нужна, ее не дождешься. А когда не нужна – подступает галлонами.

“Майбах” Перовских понемногу продвигался к дому, Маша на заднем сиденье слушала ритмичную музыку итальянской речи. Сложив руки на коленях, она смотрела на свое обручальное кольцо, любовалась игрою света на гранях желтого бриллианта размером с чайное яйцо. Сидевший рядом Юрий яростно матерился в телефон. На шее его билась жилка.

¹³ Марка дорогой английской косметики.

Поразительно, как быстро лучший день в жизни превращается в очередное воспоминание.

Языковое приложение в Машиных наушниках по-итальянски живописало прелести прогулок. Или речь шла о настенной живописи? Она отвлеклась.

Разумеется, Юрий не преминул сделать ей замечание за вульгарность и дурной вкус. Упоминанием о Диснее она испортила ему аппетит! И не только ему, а всем присутствовавшим.

Не он ли сам перед визитом в Виндзор уточнял, можно ли привезти личного повара (нельзя), соглашался есть лишь те блюда, которые входили в его щелочную диету, и притащил на завтрак розовую гималайскую соль в таблетнице из горного хрусталя? Жена бывшего российского посла это заметила – и видели бы вы, как она на него посмотрела!

Недостаток Виндзорского замка в том, что это мечта. И простые люди ее только портят.

Между тем назревала торговая война. Рынки просели. Юрий бушевал из-за того, что помощники не выполнили его приказ и не продали вчера какие-то акции. Наконец, исчерпав всю желчь, он прервал разговор, с силой ткнув в кнопку телефона. – Пятьсот тысяч. Можешь попрощаться со своей галереей.

Он обиженно и сердито покосился на жену. При слове “галерея” она наконец-таки повернулась к нему. Вот и славно, подумал он. Для того и сказал. На какие только ухищрения он не пускался, чтобы привлечь Машину внимание! А она даже не соизволит поддержать его, когда он борется за их будущее, за их общее благополучие. Ее интересует только искусство – она коллекционирует картины, устраивает выставки и общается с людьми, рядом с которыми чувствует себя умной потому, что знает слово “постимпрессионизм”. А еще ей нравится, что ее боготворят. Что ж, он боготворил Машу с той самой минуты, как увидел ее, семнадцатилетнюю, в куцей маечке и грязных джинсах: тогда она и правда была богиней. Он уже устал ей поклоняться. Да и если бы он был ее единственным поклонником!

– Кстати, Максим умер, – произнес он заготовленную фразу

– А?

Он заметил, как застыло ее лицо.

– Сегодня утром. Вероятно, сердечный приступ. Он тебе нравился, да?

Маша на миг лишилась дара речи, но быстро оправилась и выдавила еле слышно:

– Пожалуй.

– Он ведь учил тебя играть на фортепиано. Столько уроков дал! Сыграй мне как-нибудь, что успела выучить.

Он заметил, что она смотрит на него с возмущением. Словно он сказал какую-то дикость. Она часто смотрела на него вот так, молча, со своего заоблачного пьедестала. Ему же хотелось одного: чтобы она наконец спустилась с небес, попыталась его понять. Чтобы ей, в конце концов, стало стыдно, и она, нежная и покорная, пришла к нему, обняла его. Как она не догадывается? Это она во всем виновата. Так почему же стыдно всегда ему? Голова по-прежнему гудела. Почему она допустила, чтобы он перепил? Неужели не знала, что будет потом?

Она вынула наушники из ушей. Молчание окутало салон, точно погребальная пелена. Наконец Маша пробормотала:

– Дома я обязательно тебе поиграю. – В неземных ее глазах блеснули слезы, но она удержалась и не расплакалась.

Ледяная баба, подумал он. Ну ничего, однажды он растопит этот лед.

Как королева ни пыталась, она не сумела отвлечься от мыслей о бедном заблудшем юноше. Весь день обсуждала с управляющим предстоящие скачки в Аскоте. А потом, когда посетителей благополучно выпроводили из замка, направилась в парадный зал осмотреть гобелен, которому требовалась небольшая реставрация, но тут подошел швейцар и сообщил, что сэр Саймон срочно хочет ее видеть.

– Он не сказал зачем?

Швейцар нажал на кнопку рации.

– Он просил передать, мэ, что обнаружались новые обстоятельства, – бесстрастно произнес он.

Похвальное безразличие. Меньше всего ей нужны слуги, которые подмигивают и кивают, передавая известия. Такие у нее не задерживаются.

Королева вздохнула, развернулась и направилась обратно в кабинет. Если уж сэра Саймон приказал ее отыскать, значит, дело серьезное. Она вновь прошла через парадные залы, где накануне принимала гостей, к Большому коридору, где располагались ее личные покои. В Светлом фойе навстречу ей попала небольшая группа людей. Здесь когда-то начался пожар, и, хотя сейчас фойе выглядело великолепно – с новым потолком и расходящимися веером балками, – она все равно вздрагивала, проходя тут. Встречные с удивлением воззрились на королеву.

Группу возглавлял величественный мужчина средних лет, с квадратным подбородком, в двубортном костюме в тонкую полоску и галстук.

– Управляющий!

– Ваше величество.

Генерал сэра Питера Венн щелкнул каблуками и наскоро поклонился. Из всей группы лишь он один не удивился, увидев королеву. Теперешний управляющий Виндзорским замком жил в отведенных ему покоях в Нормандской башне у ворот, ведущих в Верхний двор, и королева отлично его знала. Она могла перечислить по порядку все должности, которые он занимал в разных уголках мира, и процитировать заслуженные им благодарности – половину она помнила точно. Знала она и его дядю: они познакомились в Гонконге на борту королевской яхты “Британия”, он тогда был юным стройным лейтенантом; с тех пор она пожаловала ему немало наград за операции слишком секретные, чтобы о них упоминать. Венны были потомственными военными. Если вдруг начнется революция, королева предпочла бы, чтобы Питер оказался рядом. А лучше чуть впереди.

– Вы чем-то заняты? – спросила королева, подойдя ближе.

– Мы уже заканчиваем, мэ. Очень полезное совещание. Я собирался провести краткую экскурсию по замку.

Королева благосклонно улыбнулась гостям: большинство из них она видела вчера. Она уже собиралась продолжить путь, но взгляд сэра Питера остановил ее. Не будь он стойким солдатом, привыкшим переносить любые трудности, она сказала бы, что в глазах его читалось волнение. Она остановилась на миг, и сэра Питера не преминул воспользоваться этой возможностью:

– Позвольте представить вам Келвина Ло. Он выполняет кое-какие наши интересные задания в Джибути.

Под “интересными заданиями” имелась в виду внешняя разведка. Сэр Питер проводил совещание по поручению МИ-6 и Министерства иностранных дел. Молодой азиат в свитере с капюшоном и... неужели? да! в тренировочных брюках! – шагнул вперед и отвесил робкий поклон. Казалось, он совсем потерялся от выпавшей ему чести. И почему все и всегда так теряются в ее присутствии? Ужасно неприятно – хотя, конечно, те, кто болтает без умолку и грузит своими проблемами (этому новомодному словечку научил ее Гарри – оно прекрасно описывало зануд), куда неприятнее.

– Вы были на вчерашнем вечере? – спросила она.

– Нет, Ваше вели... эээ... мадам.

– Вот как?

Юноша поднял глаза и увидел, что королева смотрит на него.

– Самолет опоздал, – промямлил он.

И она отказалась от попыток его разговорить. Каким бы талантливым ни был молодой человек, нельзя же посвятить ему целый день. Прочие собравшиеся вчера – да и сегодня – вели себя не лучше. Один из юношей дрожал, как осиновый лист на беркширском ветру, а стоящая рядом с ним девица, казалось, вот-вот грохнется в обморок. Королева распрощалась с ними. Нужно же выяснить, что хочет сказать секретарь. Она поспешила в кабинет, где ждал ее сэр Саймон.

Загоравшиеся во дворе фонари заливали молочным светом дорожки и лужайки, ведущие к Длинной аллее. Хорошо, что шторы еще не задернули, подумала королева. В кабинете было тепло и светло. В этот час неплохо бы выпить джина, но сперва требовалось разобраться с делами.

– Да, Саймон, в чем дело?

Сэр Саймон дождался, пока она сядет за стол, и произнес:

– Я хотел сообщить вам о молодом русском, мэм. О мистере Бродском.

– Я уже догадалась.

– Это не несчастный случай.

Она нахмурилась.

– Боже мой. Бедняга. Как это определили?

– По узлу, мэм. Судмедэксперт заподозрила, что дело нечисто. У молодого человека была сломана подъязычная кость. Это кость в области шеи, мэм, которая...

– Я знаю, что такое подъязычная кость. – Она прочла множество романов Дика Фрэнсиса. Там все время ломались подъязычные кости. Недобрый знак, как ни крути.

– Сам по себе перелом еще ни о чем не говорит, поскольку такое могло произойти и случайно. Однако след от пояса тоже оказался необычным. Но и этого недостаточно, чтобы сделать вывод. Судмедэксперт весь день занималась расследованием, поскольку мы хотели выяснить, как все-таки все произошло. Она изучила снимки с места происшествия и... в общем, они показались ей подозрительными. В частности, узел.

– Он неправильно его завязал? – Королева с ужасом представила, как несчастный пианист изящными руками хватается за пояс от халата. Что если он пытался спастись, но не сумел? Кошмар.

Сэр Саймон покачал головой.

– Дело не в том узле, который на шее. А в другом.

– Каком же?

– Э-э-э, остановите меня... если вам будет неуютно...

– Продолжайте, Саймон.

– Да, мэм. Когда рассчитывают придушить себя... для удовольствия, или наоборот, другой конец веревки нужно привязать к чему-то прочному, что не сломается. Бродский же выбрал ручку на двери шкафа и перекинул пояс от халата через рейку для вешалок.

Теперь она ясно представляла себе бедного юношу в шкафу, но никак не могла понять, к чему клонит секретарь.

– Он ведь не упал?

– Насколько я понял, этого и не требуется, – уныло ответил сэр Саймон: новообетенные знания, похоже, ничуть его не радовали. – Достаточно подогнуть колени. Многие из тех, кто... рассчитывает таким манером получить удовольствие... именно так и делают, поскольку, когда им надоедает, можно встать и ослабить удавку, однако это не всегда получается: человек теряет сознание или узел не поддается, и тогда...

Она кивнула. Так она и думала. Бедный, бедный молодой человек.

Сэр Саймон продолжал:

– Но это все, в сущности, неважно, потому что умер он не поэтому.

На миг повисло молчание.

– То есть как “не поэтому”?

– Если бы причина его смерти, умышленная или неумышленная, заключалась именно в этом, под тяжестью его тела затянулся бы узел на дверной ручке. А он был ослаблен – следовательно, Бродский, падая, его не затянул. Судмедэксперт воспроизвела обстоятельства случившегося, используя похожий пояс, и выводы очевидны. Пояс на шее Бродского привязали к дверной ручке уже после того, как...

Повисло долгое молчание.

– Ясно.

С полминуты в кабинете слышно было лишь, как тикают часы из золоченой бронзы.

Сперва королева полагала, что произошел несчастный случай: это само по себе ужасно. Или, того хуже, самоубийство... Но о том, что открылось теперь, страшно даже подумать.

– Уже выяснили, кто...?

– Нет, мэ. К сожалению, нет. Я хотел как можно скорее поставить вас в известность. В Круглой башне как раз собирается следственная группа. Будут вести расследование.

Ей приготовили джин с “Дюбонне”, джина не пожалели, и коктейль получился крепким. Она скучала по Филипу. Он бы сейчас отпустил грубую шутку, рассмешил бы ее, он догадался бы, как ей грустно, и утешил бы ее.

Не то чтобы прислуге не было дела до ее настроения – или леди Кэролайн Кэдуолладер, которая в тот день исполняла обязанности фрейлины и сочувственно выслушала рассказ госпожи. Те немногие, кто знал правду, смотрели на нее с такой жалостью, что становилось тошно. Она жалела не себя – это было бы смешно: ей было жаль замок, живущих в нем и молодого человека, чью жизнь оборвали так жестоко и так постыдно. И еще ей было не по себе.

По Виндзорскому замку разгуливает убийца. Или, по крайней мере, был здесь прошлой ночью.

Королева собиралась ужинать: сегодня должны были съехаться только близкие и друзья. Она ободряла себя, что делом уже занимаются лучшие умы полиции и соответствующих государственных учреждений: остается лишь положиться на то, что они раскроют его как можно скорее. Ей же сейчас не помешает еще бокал джина с “Дюбонне”.

Глава 4

Горничные, экономки и дворецкие в людской наблюдали за перемещениями полицейских с любопытством, к которому примешивалось раздражение.

– Ночь на дворе. Что они здесь забыли? – шепнул помощник старшего лакея проходившему мимо приятелю-кондитеру.

Поскольку мистер Бродский был не гостем, а музыкантом, ему отвели комнатку окнами на город, в тесной мансарде у башни Августы, над гостевыми покоями, в южной части Верхнего двора. Сейчас полиция отгородила коридор мансарды – к вящему неудовольствию всех причастных, поскольку в замке было не так-то много свободных комнат, где можно было бы при необходимости разместить вновь прибывших. В коридоре толпились люди в перчатках и белых комбинезонах с капюшонами: они то и дело уносили куда-то объемистые пакеты и не отвечали на вопросы. Разумеется, уже просочились сплетни, в каком именно виде обнаружили тело. А вот о втором узле слуги пока не слышали.

– Можно подумать, это преступление, – проворчал кондитер. – В конце концов, у всех есть сексуальные причуды. Парня уже не вернешь. Знаешь, как говорят: что было в Вегасе, остается в Вегасе. Не лезли бы они в это дело.

– Какие еще причуды? – Заместительница дворецкого остановилась, услышав слова кондитера. Она только сегодня вернулась из отпуска и о случившемся знала только из сплетен.

– Мне сказала одна горничная, которая дружит с парнем из охраны, так вот он ей признался... но она поклялась молчать! – в общем, покойник был в женских трусиках, с накрашенными губами, и еще обмотал галстуком свой...

Тут послышались быстрые шаги: к ним приближался один из старших слуг, и сплетники тут же притворились, будто заняты делом.

– Как он его под трусиками-то обмотал? – недоуменно прошептала заместительница дворецкого. Кондитер пожал плечами, но заместительница дворецкого не успокоилась: она любила ясность. – По-моему, она тебе наврала.

– Нет, честное слово!

– Даже если это правда, – не унимался помощник лакея, – с какой стати они рыщут по всему дворцу? Время позднее. – Он достал телефон, взглянул на часы. – Половина десятого! Все равно покойника уже не вернешь.

– Может, они считают, что он развлекался не один, а с кем-то, – предположила заместительница дворецкого, отличавшаяся смекалкой и живым воображением.

– С кем бы это? – удивился помощник лакея. – Он только приехал! И пробыл всего ночь. Ты вообще видела эти комнаты? Это же клетушки!

– Когда это кому мешало, – заметил кондитер. – Может, он занимался сексом с одной из тех девиц. Ты их видел? Танцовщиц этих? Какие ноги!

К завтраку балерины, уверенные в собственной неотразимости, спустились в самых обтягивающих джинсах и самых коротких топиках из возможных. Гости Виндзора нечасто щеголяли в таких нарядах, и добрая половина слуг ими залюбовалась.

– Да ладно! И они решили: раз уж мы в Виндзоре, давай-ка оттянемся по полной? – Помощник лакея фыркнул и, подумав, продолжал с сомнением: – Тогда им надо было бы идти к нему вдвоем.

– Это еще почему?

– Да потому что их поселили вместе. Народу приехало много, мне пришлось помогать Мэрион, мы вместе решали, кого куда поселить, вот и запихнули их в одну комнату. Там и одному-то тесно, а тут две кровати. И если бы одна из девиц отправилась к нему, а потом вернулась, вторая обязательно узнала бы об этом.

– А может, он развлекался со служанкой жены того банкира, – предположила заместительница дворецкого. – Или вообще с каким-нибудь парнем.

– Вы что тут делаете?

Все трое дружно повернули головы, увидели, что в шести футах от них стоит старшая экономка из ночной смены и грозное ее лицо не сулит ничего хорошего. Все знали, что она остра на язык, скоро на расправу и появляется незаметно, как ТАРДИС¹⁴, но в отличие от последней беззвучно.

Они наперебой забормотали, что ничего такого не делали, но она не поверила и отослала их прочь, строго-настрого предупредив: если они и впредь, вместо того чтобы выполнять обязанности, за которые им платят, намерены сплетничать и болтать, им не поздоровится.

Тем же вечером вернулась из отпуска еще одна сотрудница. Рози Ошоди прилетела из Нигерии, со свадьбы двоюродной сестры, и почувствовала, что за эту неделю успела отвыкнуть от Англии. После ярких красок Лагоса и ритмичного африканского фанка тишина и камни вечернего Виндзора казались нереальными. В Среднем дворе, неподалеку от покоев, где некогда обитал Чосер, Рози смотрела в сводчатое окно спальни вдаль, на блестящую под луной Темзу, и чувствовала себя принцессой. Чернокожей принцессой, по чьим коротким детским косичкам принцу нипочем не взобраться в башню, чтобы спасти Рози. Но она приложила массу усилий, чтобы стать помощницей личного секретаря королевы, и спасти девушку явно не требовалось.

А требовалось ей выяснить, что, черт возьми, происходит. Сэр Саймон отправил ей пять сообщений с просьбой перезвонить. Ее вылет долго задерживали, и, едва они приземлились, Рози бросилась звонить, но у сэра Саймона срабатывал автоответчик. Начальник ее отличался невозмутимостью и не стал бы паниковать попусту. Тем более что на этой неделе предполагалось затишье. Поэтому ей и разрешили слетать на свадьбу кузины Фран. (Если совсем точно, свадьбу назначили на то время, когда Рози могла отлучиться: ей было настолько неловко, что она всякий раз отгоняла эту мысль. Королевская семья всегда была для нее на первом месте, и, поскольку Фран желала, чтобы кузина, которая не так давно заняла высокую должность во дворце, прилетела на свадьбу, пришлось ей выходить замуж именно на этой неделе.)

Рози в десятый раз проверила новости в телефоне. Ничего необычного. Она поежилась от холода. На мгновение ей захотелось надеть пижаму и забраться под одеяло – ведь завтра предстояло работать с раннего утра до позднего вечера, тем разумнее отдохнуть после целой недели вечеринок. А с сэром Саймоном можно пообщаться и завтра, на свежую голову.

Но она понимала, что просто устала от долгого перелета. Королевская служба устроена иначе – тут нужно всегда быть наготове и в курсе происходящего: она знала, на что шла, когда подписывала договор.

Рози разбирала чемодан, мурлыкая себе под нос мотивчик, который играл в каждом ночном клубе Лагоса. Улыбнулась, увидев портрет жениха с невестой на брелоке с ключами от самого ценного ее имущества – “мини-купера”. А потом, так и не сняв пальто, села на узкую кровать и в ожидании звонка от сэра Саймона принялась выбирать в телефоне лучшие кадры с Фран и Феми из сотен сделанных ею снимков.

Сэр Саймон позвонил в час ночи: его рабочий день давным-давно закончился. Рози отправилась к нему. Он обитал в восточной части Верхнего двора, неподалеку от апартаментов королевы. В комнатах сэра Саймона, полных антикварной мебели и картин, царил безупречный порядок. Как и в его голове, подумала Рози.

Сэр Саймон открыл дверь и уставился на Рози. Она бросила на него удивленный взгляд.
– В чем дело?

¹⁴ Машина времени и космический корабль из британского сериала “Доктор Кто”.

– У вас новая стрижка.

Рози нервно пригладила вьющиеся волосы: в Лагосе она действительно сменила прическу – неожиданно для себя. С самой службы в армии Розы стриглась элегантно и коротко, эта же асимметричная стрижка получилась еще короче, и она сомневалась, что ее пожилые коллеги, коренные англичане, это одобряют.

– Вам не нравится?

– Она... другая. Я... Ох... Вы чудесно выглядите. Прошу прощения. Входите же.

Порой сэр Саймон держался с ней неловко, но, по крайней мере, неловкость его была дружелюбной. Наверное, думала Роза, он рядом со мной чувствует себя стариком и коротышкой (на каблуках она была выше на добрых два дюйма), она же рядом с ним чувствовала себя невеждой: он лучше нее разбирался в жизни королевской семьи, в конституции, да вообще во всем. Однако сработались они идеально. Правда, сегодня оба устали. Они сидели на обтянутых чинцем стульях, сэр Саймон цедил односолодовый виски из хрустального стакана – надеялся, что это его взбодрит. Роза пила газированную минералку: опасалась, что от виски ее сморит сон. Сэр Саймон рассказывал о ходе расследования, она делала пометки в ноутбуке.

– В общем, кошмар, – вздохнул он. – Черт ногу сломит. Почти полсотни подозреваемых и ни единого мотива. Бедняги детективы. Представляете, с какими заголовками выйдут газеты, если о деле пронюхает “Мейл”?

Он вкратце описал Роза, что произошло, а потому она живо представила себе эти заголовки:

РУССКИЙ УМЕР ВО ВРЕМЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ИГРИЩ ПОСЛЕ ПРИЕМА У КОРОЛЕВЫ

Или что-нибудь в этом роде. Сочинители своего не упустят: статьи с такими заголовками прочтут миллионы.

– Кто он вообще такой? – спросила Роза.

Сэр Саймон пробежал глазами свежий полицейский отчет.

– Максим Бродский. Двадцать четыре года. Музыкант, живет в Лондоне. Не профессиональный музыкант: подрабатывал тапером в барах, гостиницах, давал уроки игры на фортепиано, иногда выступал с друзьями. Не очень ясно, как он ухитрился оплачивать жилье: он снимал приличную квартиру в Ковент-Гардене – правда, не один, а с соседом. Полиция как раз выясняет этот вопрос. Она спрашивала о его родителях.

– Кто?

– Королева. Проснитесь, Роза! Наш босс. Хочет выразить им соболезнования. Мы ждем ответ из посольства.

– Ясно, – смущенно ответила Роза.

– Но пока ничего конкретного узнать не удалось. Отца его нет в живых. Его убили в девяносто шестом: Максиму тогда было пять лет. – Во взгляде Роза мелькнуло удивление. – Вас, наверное, еще на свете не было, – пробормотал сэр Саймон и криво улыбнулся.

– Мне было десять.

– Бог мой. – Он вздохнул. – В девяностых в Москве каждый день кого-нибудь убивали. Советский Союз распался, к власти пришел Ельцин, и начался период дикого капитализма. Точь-в-точь как в Чикаго двадцатых годов – бандиты, коррупция, хулиганье. Каждого, у кого водились деньги, могли убить в любой день – не те, так эти. У моих друзей из Сити остались родственники в Москве, так вот они признавались, что живут в постоянном страхе.

– Отца Бродского убили?

– Зарезали на пороге квартиры. Он работал юристом в инвестиционном фонде. Власти уверяли, будто его убила уличная шпана, но через десять лет Максим – ему тогда было пятна-

дцать – получил стипендию на обучение в английской музыкальной школе-пансионе. А недостающее доплатила компания, зарегистрированная на Бермудах. И жилье на каникулах ему оплачивала она же, насколько полиции удалось выяснить. На время зимних и летних каникул он останавливался в дорожной гостинице в Южном Кенсингтоне.

– Это в пятнадцать-то лет?

– Именно так. Пару раз на Пасху ездил к школьному другу, у которого дом на Мюстик¹⁵, но меня больше интересуют Бермуды. Полиция предполагает, что убийца отца Бродского со временем разбогател, раскаялся и решил для спасения души помочь мальчику – перевез его в Англию на деньги, происхождение которых отследить невозможно. Может, какой-нибудь олигарх, который поссорился с Путиным и сбежал к нам.

– Перовский?

– Нет, этот разбогател не в лихие девяностые при Ельцине, а уже в двухтысячные.

Рози вспомнила, что завтра королева, возможно, спросит ее о родителях покойного.

– А где его мать?

Сэр Саймон не то вздохнул, не то фыркнул.

– В посольстве уверяют, что не могут ее найти. Она психически больна. До отъезда в Англию Максимом занимались родственники и соседи. Вроде бы мать его лежала в психиатрической больнице где-то в Подмосковье, но теперь ее там нет.

– То есть фактически он сирота?

– Выходит, так.

Сэр Саймон рассматривал стакан виски. Рози подумала, что отрочество Максима Бродского напоминает классическую биографию шпиона. Может, жизнь настоящих шпионов именно так и складывается? Однако, не желая показаться невежей, вопросов решила не задавать.

– Возможно, – сказал сэр Саймон.

– Прошу прощения?

– Вы гадаете, не связан ли он с ФСБ. Вполне возможно. Но в списках не значится.

Рози кивнула и сделала непроницаемое лицо. На этой работе она новичок, и ей по-прежнему казалось невероятным, что всего лишь год назад она руководила небольшим стратегическим отделом в банке, а теперь, как ни в чем не бывало, обсуждает русских шпионов с начальником, который это знает наверняка. Или, по крайней мере, должен знать. Закон о неразглашении государственной тайны внушал ей трепет, однако же она поклялась его соблюдать, и теперь, что ни день, ей выкладывают все новые и новые секреты. Она никак не могла к этому привыкнуть.

– А другой убийца? Я имею в виду, вчерашний.

Сэр Саймон отпил глоток “Гленморанджи”.

– Тут-то и начинается кошмар. Команда лучших детективов, в замке, окруженном вооруженной охраной, найден обнаженный труп русского. Вечером без документов ни войти, ни выйти – проверяют даже нас с вами. Повсюду камеры, все записывают. Всех досматривают, у новых посетителей по прибытии просят паспорт. Словом, полиция рассчитывала, что дело раскроют за полдня, уже к вечернему чаю, однако ж... – Он пожал плечами. Было заметно, что сэр Саймон очень устал. Рози знала, что он работает на износ. – Бродского привез Перовский, – продолжал он. – Логично предположить, что это сделал кто-то из его окружения. Личного слугу Перовского поселили в соседней комнате с Бродским. По завершении вечера Перовские позвали его к себе в комнату; в общем, ничего необычного в этом нет. Полиция выяснила, что Бродского он почти не знал. Никто никогда не слышал, чтобы между ними был роман или ссора. Миссис Перовская приехала со своей горничной: та хорошо знала Бродского, но

¹⁵ Мюстик – остров в Карибском море. Находится в частном владении.

она крохотная, субтильная, такая и мокрый носовой платок не отожмет, где уж ей повалить и задушить сильного молодого человека. Тем более что, судя по узлу на шее, его сперва удавили, потом уложили на пол и вздернули. Прошу прощения за грубость. День выдался долгий.

Рози подняла глаза от клавиатуры ноутбука.

– Ничего страшного. Кого еще подозревают?

– Двух балерин, которые выступали после ужина. Эти сильные, как быки, но они уверяют, что познакомились с Бродским только в машине, когда ехали из Лондона. Девушек поселили вместе, и одна из них полночи беседовала со своим молодым человеком по Фейстайму; обе клянутся, что никуда не выходили, кроме как в туалет и в душ – за такое короткое время они вряд ли успели бы поучаствовать в сексуальных утехах с малознакомым молодым человеком, после чего задушить его и инсценировать самоубийство.

Он потер глаза и продолжал:

– Если уж на то пошло, Бродского мог убить любой из перечисленных, но это не очевидно. В конце концов, в замке осталось на ночлег еще десятка два гостей – после совещаний, конференций и прочего. То есть народу здесь было как на площади Пикадилли, черт бы ее побрал. Может, кто-то из гостей уже начал искать себе пару в Тиндере? Кстати, я говорил, что в два часа ночи Бродский выходил покурить?

Рози хмуро покачала головой.

Сэр Саймон поднял стакан к свету, полюбовался янтарным сиянием.

– Один из дежурных полицейских застал Бродского на Восточной террасе: он курил практически под окнами спальни Ее величества. Сказал, что вышел подышать ночным воздухом и заблудился. Как можно заблудиться в Виндзоре, когда там королева? И еще этот волосок.

Рози снова подняла глаза от ноутбука.

– Волосок?

Сэр Саймон задумчиво пояснил:

– На шее Бродского, под пояском от халата, нашли черный волос. Дюймов шести длиной. В окружении Перовского нет никого с такими волосами. ДНК покажет, чей он. Расскажите ей про волосок. Возможно, это ее утешит.

– А королева расстроилась? – встревожилась Рози.

– Да. – Сэр Саймон допил виски. – Еще как.

Глава 5

Весть о найденном волоске ничуть не утешила королеву. Последние новости ее вообще не радовали. Умер молодой человек – и умер страшной смертью – в древнем замке, который охраняют, как крепость. Но за минувшие сутки так и не удалось выяснить, кто его убил и почему. Неудивительно, что она опасалась за свою жизнь. Однако же ничем не обнаруживала ни огорчения, ни беспокойства, вела себя как ни в чем не бывало и лишь мрачно кивала, когда Роза и сэра Саймон сообщали, что расследование так и не сдвинулось с места.

По крайней мере, сэра Саймон и отдел по связям с общественностью отлично поработали с журналистами. В прессу “просочилась” скучная, ничем не примечательная история: ночью скоростижно скончался один из посетителей замка, не гость королевы. Ее величество выражает соболезнования близким покойного. Слухи о том, что у несчастного случился инфаркт, опровергать не стали. Некоторые сайты, охочие до грязи, принялись распускать сплетни, что умершего-де застукали во время сексуальных игр с одним из королевских конногвардейцев, но сплетни эти были настолько нелепы – признаться, от подобных сайтов другого не ждали, – что ни одно уважающее себя информационное агентство их не подхватило.

Тем временем четыре детектива и два офицера службы безопасности трудились не покладая рук в Круглой башне под хмурыми небесами. Королю Георгу IV эта средневековая башня показалась недостаточно внушительной, так что он пристроил к ней пару этажей и готические стены с бойницами. В получившемся строении разместили королевских архивариусов, но сейчас их временно перевели вниз, а помещение заняли детективы. Перед высокими, до самого потолка застекленными шкафами с королевским архивом установили белые доски. Поставили компьютеры с высокой степенью защиты информации. В чайнике детективам и их коллегам из МИ-5 вежливо отказали, однако же провели в оперативный штаб линию экстренной связи с кухней и по первому требованию приносили сэндвичи.

По отсыревшим дорожкам приходили и уходили все более важные чины. В замке не умолкали сплетни. По словам королевской камеристки, большинство полагало, что у покойного была тайная гомосексуальная связь с личным слугой мистера Перовского, и они повздорили. Однако управляющий королевской конюшней сообщил ей, что, если верить конюхам, неофициальные источники ставят семь к четырем на то, что это был несчастный случай, а полиция просто перестраховывается.

Они не знают о втором узле, подумала королева. Опасно делать щедрые ставки, если не знаешь подноготную. Да и бестактно заключать пари на чужую кончину, однако нужно признать, что азарт у Виндзоров в крови. От замка до Аскота всего-то семь миль по специально проложенной дороге; вдобавок скоро скачки.

Люди есть люди, решила королева. Их не изменить. В эпоху Тюдоров увеселительным зрелищем считались публичные казни. По сравнению с ними неуместное пари – сушая чепуха.

Лишь в пятницу, через три дня после того, как было найдено тело, команда Круглой башни наконец вышла на свет из своей душной каморки без окон. Детективы встретились с начальством, которое, в свой черед, должно было доложить о ходе расследования Ее величеству. До обеда оставался час; королева собиралась идти гулять с собаками, когда конюший¹⁶ сообщил ей, что к ней пришла делегация детективов. – Скажите им, чтобы надели резиновые сапоги, – сказала королева. – Там грязно.

Трое детективов, пришедшие через десять минут на Восточную террасу, являли собой жалкое зрелище: все они были в плащах с чужого плеча и в резиновых сапогах. Младший,

¹⁶ Конюшие исполняют при членах королевской семьи обязанности камердинеров или адъютантов.

которого представили королеве как главного инспектора сыскной полиции Дэвида Стронга, судя по лицу, не спал несколько дней. Он возглавлял группу следователей из Круглой башни. Под глазами инспектора Стронга залегли сизые тени, на землистых щеках виднелись свежие порезы – он явно брился наспех. Ему нужно солнце и физические нагрузки, подумала королева. Прогулка на свежем воздухе пойдет ему на пользу.

Остальные двое выглядели лучше и в представлении не нуждались. На Рави Сингха, ловкого и опытного комиссара лондонской полиции, последнее время частенько обрушивалась строгая критика из-за происшествий, к которым он не имел никакого отношения. Королеву так и подмывало пожать ему руку и выразить сочувствие, но, разумеется, она этого не сделала.

Третьим был Гэвин Хамфрис, которого в прошлом году назначили новым начальником управления МИ-5, службы безопасности, именуемой в правительственных кругах “Ящиком”¹⁷. На этот пост претендовало два блестящих высококвалифицированных кандидата, и каждого активно поддерживали сторонники. Как обычно бывает в таких случаях, вследствие их ожесточенного соперничества из тени вышел третий кандидат, не вызвавший ни у кого возражений: это и был Хамфрис.

А возражений он не вызвал потому, что никого особо не интересовала ни его персона, ни его лидерские качества. Хамфрис принадлежал к новому поколению управленцев-технократов. Королева знавала технических специалистов, с таким пылом обсуждавших специфику киберпространства, что поневоле заслушаешься, – но Хамфрис, с которым ей не раз доводилось встречаться, пока он вяло карабкался к вершинам власти, не относился к таковым. Он не блистал ничем: серый костюм, серые способности и даже волосы какого-то мышинного цвета. Вдобавок он был убежден, что в восемьдесят девять лет человеку уже не под силу разобраться в сложностях современной жизни. Ему, похоже, и в голову не приходило, что она десятки лет существовала в том мире, который и создал этот, современный, и, пожалуй, разбирается в нем лучше многих.

Короче говоря, королеве не нравился Хамфрис. Слава богу, что есть собаки.

– Уиллоу! Холли! Идемте.

У ее ног вились последние оставшиеся в живых корги и два дружелюбных дорги. Группа тронулась в путь.

– Приношу свои извинения за то, что расследование затянулось, – начал Хамфрис, едва они направились к садам. – Дело оказалось сложнее, чем я полагал. Мы всю ночь пытались воссоздать картину случившегося.

Королева покосилась на детектива Стронга: судя по его бледности, он до поздней ночи сидел за компьютером, чего не скажешь о цветущем Хамфрисе.

– Боюсь, у нас дурные новости.

Королева повернулась к нему.

– Да? И кто же за всем этим стоит?

– Этого мы пока не выяснили, – признался Рави Сингх. – Но, по крайней мере, установили заказчика.

– Заказчика?

– Да, – подтвердил Хамфрис. – Это заказное убийство. Тут действовали профессионалы. Королева остановилась, окликнула собак, которым не терпелось продолжить прогулку.

– Заказное убийство? – повторила она. – Маловероятно.

– Вовсе нет, – снисходительно улыбнулся Хамфрис. – Вы недооцениваете Путина.

Королева прекрасно отдавала себе отчет, на что способен Путин, и возмутилась из-за того, что усомнились в ее проницательности.

– Объяснитесь.

¹⁷ Сокращение от *PO Box 500* — во время Второй мировой войны это был почтовый адрес службы безопасности.

Они пошли дальше; Холли и Уиллоу, которым по человеческим меркам уже перевалило за девяносто, не поспедали за Хамфрисом. Комиссар шагал следом, за ними устало плелся бедняга Стронг. В пелене измороси маячили высокие парковые деревья; под ногами хрустел гравий. Вслед за младшей корги они ступили на сырую траву. Обычно королева наслаждалась прогулкой, но сейчас ее все раздражало.

– Бродский был очень хороший пианист, – продолжал Хамфрис.

– Я знаю. Я его слышала.

– Ах да, конечно. Но это было только прикрытие. Мы выяснили, что он вел анонимный блог, в котором критиковал путинскую Россию. Блог – это такой сайт. Своего рода сетевой дневник...

Королева нахмурилась. Он явно принимал ее за собственную выжившую из ума бабку. Она хотела было напомнить ему, что не далее как сегодня утром подписывала документы государственной важности, могла перечислить в алфавитном порядке все страны Африки, а также королей и королев Англии начиная с Этельреда и заканчивая ею самой. Но не стала. Подставила лицо морозящему дождю и приготовилась выслушивать снисходительные разъяснения.

– Бродский вел блог под ником – это, если угодно, вымышленное сетевое имя, – поэтому мы не сразу об этом узнали, однако, проанализировав историю просмотров на его ноутбуке, убедились, что он критиковал Путина. В блоге он перечислял всех журналистов, которые скончались при подозрительных обстоятельствах на постсоветском пространстве за то время, что Путин у власти. Самая известная, разумеется, Анна Политковская, которую убили десять лет назад, но вообще список очень-очень длинный. Для любителя Бродский провел неплохое расследование. Он занимался этими делами, поскольку тоже считал себя оппозиционным журналистом. Но, конечно, заниматься этим опасно даже в Лондоне. Путин вполне может расправиться с бывшим российским подданным и на территории иностранного государства. Десять лет назад они создали прецедент. В общем, такое случалось и раньше.

– Но не у меня во дворце.

– Значит, на этот раз он поднял ставки, мэм. Возможно, тем самым он рассчитывал показать нам, что способен в любой момент добраться до кого угодно, – не сдавался Хамфрис. – Вполне в его духе. Дерзко. Жестко.

– Даже здесь?

– Именно здесь. В самом сердце британского высшего общества. В этом весь Путин.

Королева обернулась к мистеру Сингху.

– Вы согласны, комиссар?

– Признаюсь, я не сразу согласился. Но мотив веский. И Путин непредсказуем.

– Кэнди! Перестань!

Старшая корги, плескавшаяся в грязной луже, робко взглянула на хозяйку, вернулась к ней и принялась энергично отряхиваться, забрызгав брюки Хамфриса. Королеве хватило выдержки скрыть одобрительную улыбку.

– Прошу прощения.

– Ну что вы, мэм. – Хамфрис наклонился и отряхнул с брюк грязные брызги. Штанины вымокли до колен. – Вы же понимаете, что это значит, – добавил он, выпрямившись.

– И что же?

– Видите ли, мы внимательно изучили биографии слуг Перовского и двух балерин и не нашли ни единого подтверждения того, что они агенты Путина, к тому же для того, чтобы устроить подобное, требуются немалые возможности. Скорее всего, на момент убийства киллер уже некоторое время был в замке.

– Еще до того, как стало известно о приезде Бродского? – Королева вопросительно посмотрела на мистера Сингха, но ответить тот не успел: Хамфриса несло.

– Они хотели быть готовыми ко всему. Так работают эти люди, мэм. Агента внедряют заблаговременно. “Кроты” годами ждут приказа, чтобы в нужный момент начать действовать. Сами посудите, жертву убили здесь, – он обвел рукой окрестности, – в Виндзорском замке, так сказать, у вас под носом. Тем самым они дали понять, что под удар может попасть любой.

– Значит, крот, – недоверчиво повторила королева.

– Да, мэм. Шпион. Здесь, среди ваших слуг. Минимум один, но их может быть и больше. Конечно, нельзя исключить, что киллер был в числе гостей, однако же, поскольку русские выбрали именно это место, логичнее предположить, что такое дело поручат тому, кто хорошо знает Виндзор.

– Прошу меня простить, но мне это кажется нелогичным.

Они остановились под одним из ее любимых букв. Хамфрис с жалостью посмотрел на королеву.

– Боюсь, все обстоит именно так. Нужно смотреть правде в глаза. К тому же это не первый случай.

Королева поджала губы, развернулась и направилась к замку. Вымокшие до нитки спутники последовали за ней; собаки выбежали из кустов и помчались впереди.

– И что вы намерены делать? – наконец спросила она.

– Выследить его. Это не так-то просто. Разумеется, мы будем соблюдать осторожность.

Сингх добавил подробность, которую упустил его одержимый путиноманией коллега.

– Мы полагаем, мэм, что Бродский договорился встретиться с киллером после вечеринки. Около двух часов ночи на территории заметили человека, по описанию похожего на Бродского: он курил на веранде, его препроводили в гостевые покои. Должно быть, у него было назначено свидание. Прошу меня извинить, что я вынужден сообщить вам дурные вести.

Вид у Сингха и правда был виноватый. В отличие от Хамфриса, он явно относился к дворцу не как к месту, где можно устроить игру в прятки со шпионом, а как к дому, множественные обитатели которого отныне окажутся под подозрением, в чем приятного мало.

– Благодарю вас, мистер Сингх.

– Мы будем держать вас в курсе дела.

– Да, пожалуйста. – Ей хотелось пригласить его на обед, но тогда пришлось бы позвать и Хамфриса, чего она делать не собиралась.

Но сильнее всего ее задела эта фраза: “К тому же это не первый случай”. Хамфрис был прав, и все-таки королева сочла его слова непростительной бестактностью.

Глава 6

В тот вечер сэру Саймону нужно было обсудить с королевой кое-какие тонкости предстоящего визита четы Обама. Сотрудники Белого дома отыскивали все новые проблемы безопасности, которые вызывали у них вопросы. Ее величество казалась непривычно подавленной. Сэр Саймон списал бы это на погоду, если бы не знал, что королеве нипочем ни мороз, ни ветер.

“Может, это убийство действует ей на нервы”, – подумал он. Выдержка у королевы железная, но всему есть предел. Наверное, зря он выложил ей неприглядные подробности случившегося. Она, конечно, сама просила, однако его долг – не только служить королеве, но и оберегать ее. Хорошо хоть делом занялись люди из Ящика. Он осторожно напомнил ей о ходе расследования, которое вел Гэвин Хамфрис, но вопреки ожиданиям сэра Саймона королеву это ничуть не ободрило.

– Розы здесь? – спросила она.

– Разумеется, мэм.

– Будьте любезны, пришлите ее ко мне. Я хочу с ней кое о чем поговорить.

– Мэм... если Розы что-то натворила... – встревожился сэр Саймон. Ему казалось, для новичка Розы справляется на удивление неплохо. По крайней мере, он пока что не замечал за ней никаких недочетов и тут же обвинил себя в невнимательности – получается, они все-таки были. – Если я могу помочь...

– Нет-нет. Пустяки. Не о чем беспокоиться.

Через десять минут пришла Розы. Вид у нее был озадаченный.

– Ваше величество, вы хотели меня видеть?

– Да. – Королева задумчиво повертела в руке карандаш. – Я хотела вас кое о чем попросить.

– Все что угодно... – выпалила Розы и подивилась собственной горячности.

Что ж, она говорила совершенно искренне. Она охотно выполнит все, о чем попросит босс. Как и большинство слуг, насколько ей известно. И вовсе не потому, что это королева, а из-за того, какой она человек. Она взяла на себя немисливо трудные обязанности и выполняла их блестяще, без единой жалобы, причем уже столько лет, сколько не каждый и проживет. Слуги ее обожали. Побаивались, конечно, но оттого обожали еще больше. Розы считала, что ей повезло служить королеве.

– Не могли бы вы разыскать мне одного человека?

Этот вопрос вывел Розы из задумчивости. Королева бросила на нее странный взгляд, словно боялась, что Розы откажет. Обычно такие вопросы равнялись вежливым приказам. Над этим же явно требовалось задуматься.

– Конечно, мэм, – весело проговорила Розы. – Кого именно?

– Я и сама толком не знаю. Мы с ним когда-то встречались – кажется, он преподает не то в Сандхерсте¹⁸, не то в Штабном колледже¹⁹. Специалист по постсоветской России. Лохматый, с рыжей бородой; кажется, его зовут Генри. Или Уильям. Мне бы хотелось пригласить его на чай. Неофициально. Пожалуй, даже так: наверняка он не откажется прийти в гости к моей подруге Фионе, леди Хепберн. Она живет в Хенли и с радостью примет гостей. Она пригласит нас на чай, и мы с ним побеседуем.

Розы силилась сообразить, что происходит. Она не вполне понимала, о чем ее просят, но это мелочи: позже она обязательно догадается.

¹⁸ Речь о Королевской военной академии в г. Сандхерст.

¹⁹ Штабной колледж в Кемберли – британское военное учебное заведение.

– Когда вам будет угодно?

– Как можно скорее. Вы знаете мой график. – Пауза. – Да, Розы...

– Мэм?

Королева снова бросила на нее странный взгляд, но уже немного другой: в первом читалась неуверенность, в этом – приказ.

– Беседа будет *неофициальной*.

Вернувшись к себе, Розы прокрутила в голове разговор с королевой.

Что конкретно та имела в виду под “неофициальной беседой”? Разумеется, чай у леди Хепберн подразумевает, что встреча неофициальная. Может, этот преподаватель (кажется, Розы догадывалась, о ком речь) должен молчать о встрече с королевой? Безусловно, Розы об этом позаботится, но почему королева не сказала об этом прямо? До сего дня их отношения с боссом были достаточно просты: Розы выполняла все, что ей говорили, если же сомневалась, спрашивала у сэра Саймона, который служил королеве без малого двадцать лет и знал все, вдобавок...

Вдруг Розы осенило, что имела в виду королева. И почему нельзя было сказать об этом вслух. И почему это задание – проверка (от которой, думалось Розы, Ее величество охотно ее избавила бы).

Это открытие напугало, но и вдохновило ее.

Она вошла в правительственную базу данных и принялась разыскивать указанного человека, чтобы пригласить на чай.

Королева, сидя в кровати, описывала в дневнике события дня. Она всегда писала кратко и уж точно не собиралась признаваться в том, что у нее на уме. Многие историки захотят получить записи, которые она прилежно делала каждый вечер: однажды их тоже передадут в Королевский архив в Круглой башне – туда, где хранятся дневники королевы Виктории. Однако историков ждет разочарование. Читатели XXII столетия обнаружат в этих дневниках подробные описания скачек, рассуждения о тупости отдельных премьер-министров и забавные семейные случаи. А самые сокровенные мысли она поверяет лишь Господу.

Видит бог, Владимир Путин невыносим, жесток, но уж точно не дурак. Самый богатый (по слухам) человек в мире не допустит глупых ошибок. И не станет игнорировать негласную договоренность правящих кругов, к которым с гордостью причислял и себя: государи не переходят бесцеремонно дорогу другим государям. Разумеется, шпионят друг за другом, если выпадает такая возможность. Стараются ослабить позицию врагов на выборах или переговорах. Но не оскорбляют монархов, не устраивают беспорядки в их дворцах. В противном случае – кто знает? – однажды тебе ответят тем же. Это понимают даже диктаторы.

А начальники-технократы из МИ-5, видимо, нет.

Королева не дала себе труда переубеждать мистера Хамфриса. Слишком самоуверенно он держался и слишком мало интересовался ее мнением, при том что она была знакома с Путиным и общалась с ним как правитель с правителем не один десяток лет.

Вот собаки это понимали. Как Кэнди сегодня утром. Корги с первого взгляда возненавидели мистера Путина и во время официального визита так и норовили тяпнуть его за ногу. На него залаяла даже собака-поводырь министра. Потому что у собак чутье. Путин же ими манипулировал. Он знал, что Ангела Меркель боится собак. Может, потому что выросла в ГДР и собак там держали для охраны, а не для души? Путин пронюхал об этом – и в Кремле канцлера встретили две злые немецкие овчарки. Бедная женщина. Вот такой он мелочный тип. Королева не всегда соглашалась с политикой миссис Меркель, однако симпатизировала ей. Все-таки Меркель вот уже десять лет управляет великой демократической державой. Вдобавок она женщина в мире мужчин – по крайней мере, он был таковым, когда она только заняла свой пост. Да

и сейчас оставался: достаточно взглянуть на групповые снимки глав государств, где Меркель – единственная в брючном костюме посреди толпы в брюках. Королева догадывалась, каково это, – хотя, конечно же, не разделяла типично немецких пристрастий Меркель в одежде.

Она поймала себя на том, что уже десять минут в дневнике не прибавилось ни строчки, попыталась закончить недописанное предложение, но снова углубилась в размышления.

Неудивительно, что такой человек, как Путин, решил потрепать нервы женщине вроде Меркель. Он бывший офицер КГБ, ему нравится запугивать и доминировать. Взять хотя бы его отношение к собакам (и их к нему). Однако это не значит, что он способен подослать киллера к юному эмигранту, да еще на чужой территории. В этом не было ни малейшей необходимости.

По словам Хамфриса, этот холодный расчетливый человек внедрил шпиона в штат ее прислуги *на случай*, если ее навестит кто-то из его врагов – да еще такой незначительный: тогда Путин продемонстрирует свою силу. И едва такой момент настал, его “крот” – который якобы уже много лет обитает во дворце, дожидаясь приказа – попытался выставить случившееся самоубийством, однако не удосужился проверить простейший узел. Зачем инсценировать самоубийство, если ты хочешь продемонстрировать силу? Чтобы полиция догадалась, что на самом деле это убийство? Если так, можно было повернуть дело и полочнее, не настолько неуклюже. Если среди ее придворных затесался предатель, он должен хоть немного соображать, что к чему. Иначе получается неопишуемая нелепость.

И все же “это не первый случай”...

Да, не первый. Тот, первый, тоже казался невероятным.

Энтони Блант, хранитель ее картинной галереи, служил еще ее отцу. Эрудит, человек светский, он свободно чувствовал себя при дворе. Преподаватель Кембриджа, искусствовед, специалист по Пуссену и сицилийскому барокко, сотрудник МИ-5. В конце войны перехватил кое-какие письма ее дяди Эдуарда и тем самым спас его от конфуза.

Впоследствии Блант признался, что работал на советскую разведку и был убежденным коммунистом. Он и его друзья нанесли невыразимый ущерб людям, которыми она дорожила. После того как ей сообщили о двурушничестве Бланта, он много лет продолжал работать во дворце – чтобы избежать позора и шумихи, чтобы никто не узнал, что он натворил, и лишь после того, как Маргарет Тэтчер публично его разоблачила, Бланта пришлось удалить. Кажется, он раскаивался, но разве узнаешь наверняка?

Так что ей не пристало делать вид, будто бы все ее слуги вне подозрений. По мотивам истории с Блантом поставили спектакль, на Би-би-си сняли фильм: игравшая в нем комическая актриса изобразила ее дурно одетой педанткой. Словом, нельзя сказать, что это был звездный час британской короны.

Намек Гэвина Хамфриса оживил неприятные воспоминания и заставил ее засомневаться в себе, чего она не любила. Не радовало ее и то, что пришлось довериться Розе Ошоди: слишком уж та молода и слишком недавно работает во дворце. Но порой выбирать не приходится. И остается лишь надеяться на лучшее.

Королева написала еще абзац о чем-то совсем другом и не без труда отошла ко сну.

Часть вторая Последний танец

Глава 7

– Какие планы на завтра?

Рози подняла глаза от клавиатуры: к ней в кабинет заглянул сэр Саймон. – Вы имеете в виду день? – уточнила она, стараясь не выдать волнения.

– Да. После обеда у нее запланирован визит к кухне в Большой парк. Уже с месяц тому назад.

– Да, но, к несчастью, недавно у леди Хепберн умер брат, и королева хотела ее видеть. Леди Хепберн пригласила ее на чай, и она попросила меня принять приглашение.

– Когда?

– Вчера.

– Вы мне не сказали.

– Мне показалось, это неважно.

Сэр Саймон вздохнул. По большому счету это и правда неважно, но он стремился держать все под контролем (собственно, поэтому он безукоризненно справлялся со своими обязанностями). Он старался расслабиться, передать полномочия другим. Если начальник не верит подчиненным, какая уж тут работа? И все равно ответ Рози его задел.

– Как Ее величество узнала? Я хочу сказать, о приглашении. Я ничего не видел.

Рози замаялась. Сэр Саймон читал все электронные письма, все сообщения, просматривал журнал звонков. А если чего-то не успел, всегда мог пойти и проверить. Скорее всего, он этого делать не станет, но вдруг?

– О смерти брата леди Хепберн мне рассказала леди Кэролайн.

Рози сочиняла на ходу. Сэр Саймон и фрейлина королевы не были близкими друзьями. Оставалось молиться, что он не удосужится проверить ее слова. Вообще-то сегодня утром Рози действительно беседовала с леди Кэролайн о леди Хепберн, но все было иначе: Рози сама вывела разговор на леди Хепберн, заметив, что они с леди Кэролайн соседки. Конечно, не факт, что богатые титулованные особы, обитавшие в Хенли неподалеку друг от друга, непременно знакомы – но Рози решила попытать счастья, и ей повезло: оказалось, что дамы дружат.

– Если не ошибаюсь, брат леди Хепберн скончался от инфаркта в Кении. И было это где-то месяц назад.

Сэр Саймон знал *все*.

– Да. И леди Кэролайн сказала, что леди Хепберн по-прежнему оплакивает его кончину. – (Неправда). – Я обмолвилась об этом королеве, она попросила меня передать леди Хепберн ее искренние соболезнования, та в ответ пригласила Ее величество на чай, и королева согласилась.

Возможно ли это? Так вообще бывает? Рози затаила дыхание. Сердце ее так колотилось, что она боялась, сэр Саймон заметит это даже через платье.

Сэр Саймон нахмурился. Рассказ Рози его насторожил. Королева охотно ездит в гости к Фионе Хепберн, но чтобы вот так, ни с того ни с сего? Босс не отличается эксцентричностью. Может, такое решение – признак старости? Хотя едва ли это деменция. Нет, ерунда какая-то. Однако дело явно нечисто...

Он впился взглядом в Розу. Уж не врет ли она? Хотя с чего бы ей врать? Он решил проверить, действительно ли королеве угодно нанести визит безутешной подруге, и вернулся к себе.

Лишь через час сердце Розы перестало колотиться как бешеное. Она не понимала, то ли гордиться, то ли стыдиться. Она только что сказала неправду непосредственному начальнику о словах и поступках двух знатных дам и британского монарха. Уединившись в туалете, Роза послала сестре в Снэпчате селфи с выпученными глазами. Флисс вряд ли поймет, в чем дело, но Роза полегчало.

Выходные выдались сложные. Королева стала замечать, как от камешка, брошенного МИ-5 в тихие воды ее дворца, понемногу разбегаются круги.

Горничная, которая по утрам приносила ей чай с печеньем, сегодня казалась растерянной и кусала губы – то есть явно нервничала и нуждалась в ободрении. В другое время королева обязательно заговорила бы с ней, спросила, в чем дело, но сейчас ей хватило ума промолчать. Обычно любую проблему можно легко решить, если пресечь ее на корню. Сегодня же ей нечем было утешить слуг.

Слуга, который в столовой наливал ей “дарджи-линг”, тоже хмурился раздраженно. Она знала его много лет (Сэнди Робертсон, начинал загонщиком в Балморале, вдовец, двое детей, один из которых учится в Эдинбургском университете на астрофизика) и с легкостью прочла по его глазам, что он хотел сказать: *“Меня допрашивали. И не только меня. Мы все обеспокоены. Что происходит, мэм?”*

Ответный ее взгляд было так же легко прочесть: *“Извините. Тут я бессильна. Ничего не могу поделать”*. Он печально кивнул, будто они в самом деле поговорили, и далее, как обычно, был расторопен и молчалив. Она понимала, что он расскажет об этом придворным и слугам, что не очень-то их порадует. Какая-то в державе датской гниль²⁰, и даже босс не может гарантировать, что буря вскоре уляжется.

Остаток дня ей казалось, будто над замком нависла тень неуверенности и страха. И ее слуги, и она сама опирались на кодекс абсолютной верности – их ей и ее им. Слуги не болтали, не продавали сплетни в “Сан” и “Дейли экспресс”, не требовали и не ожидали заоблачных жалований, какие могли бы получать у богачей вроде Перовского, не задавали неуместных вопросов и не допускали, чтобы ссоры, неизбежно возникавшие в людской, и личные проблемы слуг вмешивались в плавное течение ее жизни и мешали ей отправлять обязанности; по крайней мере, такое случалось нечасто. Она, в свою очередь, уважала и берегла слуг, ценила их жертвы, вознаграждала за долгую службу почестями и медалями, которые ценились пуще золота.

Иностранные сановники, президенты, государи дивились точности и вниманию к деталям, которое демонстрировали во время их визитов слуги и служанки королевы. Разумеется, ее близкие завидовали, то и дело старались переманить к себе лучших, и порой им это даже удавалось. Сотни слуг – в Балморале, Букингемском дворце, Виндзоре, Сандрингеме – были одной семьей. Они заботились о ней без малого девяносто лет (и это были непростые годы!), ограждали от волн недовольства, которое порой обрушивали на нее подданные, трудились без усталости, ничем не обнаруживая, как им на самом деле бывает тяжело. Слуги и королева доверяли друг другу, и вот теперь служба безопасности подрывает это доверие, допрашивая слуг одного за другим.

Однако оставался вопрос: что если Бродского и правда убил кто-то из слуг? И если да, то по какой причине? Пока она не найдет ответа, пусть Хамфрис ведет расследование, как считает нужным.

²⁰ У. Шекспир “Гамлет”. Перевод Б. Пастернака.

В воскресенье королева, обрадовавшись возможности вырваться из мрачной атмосферы замка, приняла любезное приглашение леди Хепберн, которая жила в нескольких милях западнее Виндзора, в Хенли-он-Темз. Они дружили всю жизнь – и в пятидесятые-шестидесятые годы, когда Фиона была замужем за Сесилом Фарли (отношения их складывались бурно), и в семидесятые, когда она наконец развелась и с удовольствием путешествовала по миру в обществе разных достойных мужчин, и в восьмидесятые, когда она вышла замуж во второй раз, за лорда Хепберна, и сейчас, когда она овдовела и жила одна.

Фиона была на добрый десяток лет моложе королевы, но у нее почти не осталось подругов- ровесниц, тем более таких, кто еще не выжил из ума, и она не упускала редкой возможности поговорить с той, кто пережила войну и разделяла ценности, которые помогли Великобритании выстоять.

Леди Хепберн обожала садовничать. Дом, изысканный особняк в стиле королевы Анны, с неудачной викторианской пристройкой, не мешало бы подновить, но сад был дивный. Фиона провела их по дому, она, как всегда, выглядела прелестно – белокурые волосы собраны в пучок на затылке, мешковатые брюки чуть-чуть испачканы в земле.

День выдался ветреный, желтые и кремовые нарциссы в просторных горшках светились на фоне изумрудной самшитовой изгороди и качавшихся от ветра фигурно подстриженных тисов, за которыми проглядывала река. Большинство бы сочло, что в такую погоду сидеть на улице слишком холодно, но Фиона знала свою гостью, а потому велела подать домашние булочки и вкуснейшее малиновое варенье на веранду с видом на цветник, принести горячего чая и толстые кашемировые пледы, чтобы укрыть ноги.

Шофер королевы остался дожидаться на кухне, охранники отказались от угощения и рассредоточились по дому и саду – так, что не услышали бы сказанного на веранде. За большим тиковым столом сидели королева, Фиона, Розы Ошоди и бородатый мужчина лет сорока пяти, в твидовом костюме. При виде дам мужчина поднялся.

– Я пригласила Генри Эванса, – весело сообщила Фиона, словно это была ее идея. – Кажется, вы знакомы.

Мистер Эванс поклонился, выпрямился, улыбнулся, и королева вспомнила это милое мальчишеское выражение лица и то, каким очаровательно-невинным он казался, тем более учитывая сферу его научных интересов.

– Да, знакомы. Здравствуйте. Рада вас видеть.

– Здравствуйте, Ваше величество.

– Надеюсь, приглашение не доставило вам неудобств.

– Ну что вы, напротив. Я очень рад. Так приятно приехать в Хенли. У вас прекрасный дом, леди Хепберн.

– Ах, Генри, вы так любезны, – улыбнулась Фиона. – Угощайтесь.

Они по-дружески болтали, Розы притворялась, будто просматривает записи. Сдержанность Генри Эванса вызывала уважение: он увлеченно рассказывал, как добирался из Королевской военной академии в Сандхерсте, где преподавал, и даже не поинтересовался, зачем его позвали. По телефону Розы толком ничего не объяснила – только упомянула, что всегда с удовольствием слушала его лекции, когда училась в академии. К сегодняшней встрече это отношения не имело, поэтому Розы мельком улыбнулась ему и села в сторонку.

Чуть погодя леди Хепберн, сославшись на то, что ей нужно проверить, как дела у женщины из деревни, которая помогает ей на кухне, оставила их одних.

– Мистер Эванс, я хотела кое о чем спросить, – проговорила королева, едва ее подруга вышла.

– Да?

– О тех случаях, когда русские в Британии умирали при подозрительных обстоятельствах. Вы ведь не первый год это изучаете?

– Пару десятков лет, мэм.

– Вы были одним из авторов доклада, который мне подали в прошлом году. И, если я правильно помню, приезжали с министром во дворец.

– Именно так.

– И вы полагаете, что Россия безнаказанно расправляется со своими врагами здесь, в Британии?

– Не совсем Россия, мэм. Если быть точным, Путин и его пособники. Я допускаю, что его отождествляют с государством. Но это не совсем так.

– Среди убитых были журналисты?

– Только Марков²¹, болгарский диссидент и писатель, который работал на Би-би-си. Его убили в 1978-м: укололи зонтиком, отравленным рицином. Разумеется, это было до Путина – однако ж прецедент.

Королева кивнула.

– Я помню, на мосту Ватерлоо.

– Верно, мэм. Как в романах Ле Карре: даже не верится, что это правда.

Она снова кивнула. Люди думают, будто она не читает – бог знает почему, она за месяц прочитывала больше газет, чем многие за всю жизнь, и обожала хорошие шпионские романы. Генри Эванс понимал ее лучше многих министров.

– Скольких с тех пор убили?

– Здесь, в Британии? Пятерых или шестерых. Первым был Литвиненко в 2006-м. Бывший агент ФСБ, его отравили полонием-210. Ужасная история.

– Да. И до сих пор никого из убийц не поймали и не предали суду.

– Да, мэм, – подтвердил Эванс. – По крайней мере, кроме того агента, выдачи которого мы пытались добиться после отравления Литвиненко.

– Американцы регулярно сообщают моему послу, как они злятся на нас.

Он криво улыбнулся.

– Что ж, пусть представят доказательства.

Повисла недолгая пауза: Эванс отхлебнул глоток чая. Розы подметила, как естественно королева взяла чайник и наполнила его чашку. Для человека, в распоряжении которого сотня слуг и вся британская армия, она на удивление хозяйственна. (Розы знала, что армия присягает на верность не правительству, а королеве, причем совершенно искренне.)

Отпив еще чаю, Эванс продолжал:

– Путин стал опытнее. После осечки с Литвиненко – из-за небрежности – все последующие убийства организовывали исключительно профессионально. Вдобавок остается открытым вопрос, убили Бориса Березовского или он покончил с собой.

– Как вы думаете?

– Конечно, убили. Цвет лица, сломанное ребро, форма странгуляционной борозды... Разумеется, скептики возражат – да, собственно, и возражают, – что ванная комната была заперта изнутри и покойный перед смертью был в депрессии. В общем, случай неоднозначный. Березовский был одним из самых влиятельных и активных критиков Путина, вдобавок самым богатым, пока не проиграл суд Абрамовичу, – разумеется, Березовский был мишенью для Путина. Могу лишь сказать, что тот, кто срежиссировал его гибель – если, конечно, ее срежиссировали, – поработал на славу. А в смерти прочих Москву обвинить еще труднее.

– Продолжайте.

²¹ Георгий Марков (1929–1978) – болгарский диссидент, писатель и журналист, убит в Лондоне. Считается, что за убийством стоит КГБ Болгарии.

– Перепиличный скончался четыре года назад от сердечного приступа во время пробежки. В его организме обнаружили яд, но откуда он взялся, неизвестно. В том же году в Мейфэре совершили покушение на Горбунцова. Он выжил, но предполагаемому киллеру удалось скрыться. Скот Янг, связанный с Березовским, выбросился из окна якобы из-за депрессии. Это не значит, что мы исключаем вмешательство Москвы. Просто не хотим без веских доказательств начинать дипломатическую войну.

– Разумно. То есть все они скончались у себя дома или в публичных местах?

– Да. – Его, похоже, удивил такой вопрос.

– И все они были связаны с высокопоставленными российскими чиновниками? Кажется, вы об этом писали в докладе.

– Совершенно верно. Все они представляли опасность для российской власти – либо по финансовым причинам, либо из-за того, что владели конфиденциальной информацией.

– Как по-вашему, способны ли русские убить кого-то исключительно для того, чтобы что-то продемонстрировать?

– Что, например?

– Скажем, то, что они не остановятся ни перед чем. Убить какую-то мелкую сошку. Человека, который просто оказался не в то время не в том месте.

Генри Эванс задумался над вопросом, уставившись на свинцовые тучи, очертаниями повторявшие качавшиеся тисы. Он перебирал в уме все подозрительные смерти как за железным занавесом, так и здесь, в Британии, о которых ему приходилось слышать с тех самых пор, как двадцать лет назад, студентом-отличником Манчестерского университета, он заинтересовался этой темой.

– Это не похоже на Путина, – наконец сказал он. – Даже примера не подберу. Вы имели в виду кого-то конкретного?

Королева пропустила этот вопрос мимо ушей.

– Что если они сменили тактику? Допустим, дело не в личности убитого, а в месте, где совершено убийство.

Эванс нахмурился.

– Не понимаю.

Королева пояснила, старательно избегая конкретики:

– Скажем, им случалось использовать яды. Редкие, радиоактивные, чтобы сразу было ясно, чьих это рук дело, даже если им удастся уйти от правосудия.

– Да, но для того, чтобы отомстить. Конкретным людям и по определенной причине – а заодно и внушить остальным, чтобы не повторяли подобных ошибок. Если же главное не то, кого убили, а где... тогда это не имеет смысла.

Похоже, вопрос королевы поставил его в тупик.

– Что если они выбрали место... очень необычное? Чтобы продемонстрировать, что при желании не остановятся ни перед чем?

– Тогда... я... – Эванс осекся. Он совершенно растерялся. Он и рад был бы помочь государыне, согласиться с логикой ее рассуждений, тем более что на его памяти она никогда не говорила того, что в другой компании назвали бы попросту “чушь”. Тем сильнее его удивили ее слова. Ему ни разу не приходилось слышать, чтобы жертву “заказали” исключительно потому, что она оказалась не в том месте. Что королева имеет в виду?

– К тому же вы говорили, что убийство Литвиненко организовали небрежно, – добавила королева. – Получается, агенты не всегда действуют профессионально. А случается ли им запаниковать и наделать ошибок? Вы сталкивались с подобным?

Эванс уставился на королеву и переспросил, стараясь не показаться невежливым:

– Запаниковать, мээм?

– Да. Взять хотя бы дело Березовского. Вы сказали, что странгуляционная борозда была необычная.

– Да, нетипичной формы: округлая, а не V-образная, как обычно бывает у повесившихся. Но тот, кто за этим стоял – если, конечно, за этим кто-то стоял, – запер дверь ванной изнутри, то есть вряд ли действовал в панике...

– А Литвиненко?

– Там тоже никакой паники не было. Литвиненко отравили в баре отеля, действовали хладнокровно, скрылись незамеченными. – Эванс пожал плечами. – Неряшливость заключалась в том, что еще до убийства они оставили радиоактивные следы там, где побывали. Скорее всего, они не отдавали себе отчета, как легко обнаружить подобные вещи. С другой стороны, на занятиях по боевой подготовке вряд ли учат обращаться с полонием... – Он поймал себя на том, что снова возражает королеве, а это невежливо. И смущенно замолчал.

– Спасибо, – сказала она, и Эванс смутился еще сильнее.

– Прошу прощения, мэм, вряд ли я...

– Вы очень мне помогли, мистер Эванс.

– Я правда не понимаю...

– Вы даже не представляете насколько. Я хотела бы вас попросить...

– О чем угодно, мэм.

– Я была очень рада с вами повидаться. Но вопрос деликатный, и я была бы безмерно благодарна, если бы вы, если вас спросят о нашей встрече...

Она остановилась, подбирая слова, но договорить не успела.

– Ничего не было, мэм, – вставил Эванс.

– Спасибо.

– Я сюда не приезжал.

– Вы очень любезны.

Она кивнула и благодарно улыбнулась. Рози заметила, что они поняли друг друга с полуслова. Судя по тому, что она успела узнать, Рози догадалась: Генри Эванс никому ничего не скажет, кто бы ни спрашивал, будь то начальник Сандхерста, сотрудники МИ-5 или МИ-6. Эта беседа останется в тайне.

Интересно, подумала Рози, почему мистеру Эвансу так легко далось это молчаливое согласие, стоившее ей самой немалых усилий. Но она понимала, что ей действительно приходится делать над собой усилие: Эванс обязан повиноваться королеве. Рози же вынуждена скрывать этот разговор от ближайшего помощника королевы, а если понадобится, то и соврать. Оттого-то ей было неловко. Рози была уверена: дело вовсе не в том, что королева не доверяет сэру Саймону. Она знала, как давно они знакомы, как тепло общаются друг с другом. Дело в чем-то еще... В чем же? Этого она не понимала.

Тем временем вернулась леди Хепберн, точно уловив шестым чувством, что беседа окончена. Она принесла свежесваренный чай, кофе и торт с грецкими орехами, который испекла утром. Заговорили о крикете: Англия одерживала победы на чемпионате мира. Королева, прежде державшаяся невозмутимо, теперь смотрела так, словно у нее гора свалилась с плеч. Она буквально сияла.

– Не хотите ли взглянуть на цветы? – спросила Фиона. – Сара Рейвен прислала мне прекрасные нарциссы, и они прижились на удивление.

Золотистые ретриверы леди Хепберн, Пурди и Пэтси, спустились вслед за гостями с веранды к цветнику. Генри, жена и мать которого тоже увлекались садоводством, живо интересовался изящным способом сажать луковицы цветов – слоями, точно лазанью. Рози, на балконе у матери которой вяли даже кустики помидоров, стоило той хотя бы приблизиться к ним, не любила копаться в земле. Однако, едва леди Хепберн с улыбкой обернулась к королеве и сменила тему, девушка навострила уши.

– Я слышала, у вас в понедельник был чудесный вечер.

– Да, – ответила королева.

– Мне рассказала Кэролайн. Мы с ней созванивались насчет панихиды по Бену. И я вспомнила о том молодом человеке. Я что-то такое слышала – кажется, у него был инфаркт? На следующий день? Надеюсь, это никак не связано с приемом? Насколько я поняла, он не был в числе гостей? Вы его не знали?

– Нет-нет, – осторожно ответила королева.

Подруга не любопытничала – она всего лишь пыталась выяснить, о чем лучше не заговаривать, и, разумеется, заговорила именно об этом. Впрочем, юный Бродский и правда не принадлежал к числу гостей. И нельзя сказать, что она его знала. По крайней мере близко.

– Ох, слава богу. Ужасно, когда молодые здоровые люди умирают вот так, ни с того ни с сего. Видимо, у него было больное сердце, просто он об этом не знал. Наверное, так обычно и бывает – хорошо, что нечасто. Ну да не будем о грустном: Кэролайн говорила, что вечер прошел чудесно и после ужина гости с удовольствием потанцевали. Я обожаю танцевать, а вы? Правда, уже и не помню, когда я в последний раз танцевала. А этот юный русский красавчик перетанцевал со всеми дамами.

– Верно.

– Вы тоже с ним танцевали?

– Да.

– Какая прелесть! И что, он действительно такой великолепный партнер, как описывала Кэролайн?

– Ну... – Интересно, что еще выболтала ее фрейлина, подумала королева.

– Ха! Я по вашему лицу вижу, что это правда. А той даме он и вовсе голову вскружил.

– Какой даме? – спросила королева. – Помню, он танцевал с балериной.

– Кэролайн говорила, он станцевал с обеими. Причем идеально – будто на конкурсе. А потом танцевал с одной дамой, гостьей, и они точно с ума сошли. Наверное, вы уже поднялись к себе. Кэролайн сказала, это был не просто танец, а нечто большее. Они танцевали танго, но между ними буквально искрило. – Леди Хепберн покрутила рукой, растопырила пальцы. – Кэролайн признавалась, что ей было неловко на них смотреть. Они танцевали, как Фонтейн с Нуреевым.

– Вот уж вряд ли! – усмехнулась королева.

– Ну, почти. Кэролайн, конечно, о Нурееве не говорила, но мне хочется так думать.

– Удивляюсь вашему воображению, Фиона. Посмотрите, у бедного мистера Эванса даже уши горят.

Смущенный Генри слабо запротестовал.

– Это все, что мне остается, – заключила Фиона. – Фантазии да сад. И визиты симпатичных ученых. Обещайте, Генри, что непременно приедете снова. Я всегда рада вас видеть.

– Спасибо, леди Хепберн.

– Нам пора, – сказала королева Розы.

Та посмотрела на часы и увидела, что с их прибытия прошло ровно шестьдесят минут. Она не замечала, чтобы босс поглядывала на часы, но ее пунктуальность вошла в поговорку.

– Я схожу за машиной, мэм, – ответила Розы.

Вскоре они уже ехали домой. Королева расположилась на заднем сиденье “бентли”, аккуратно сложив руки на коленях. Закрытые веки подрагивали: она дремала.

Глава 8

Утром сэра Саймон, пребывавший в добром расположении духа, принес королеве потерянные красные коробки с правительственными документами, которые требовалось просмотреть.

– Вам будет приятно узнать, Ваше величество, что сегодня или завтра слуг перестанут допрашивать. – С этими словами он поставил коробки к ней на стол.

– Прекрасные новости. Следствие меняет направление?

– Отнюдь нет, мэм. Насколько мне известно, выяснилось, что двое слуг, которые в ту ночь были в замке, удивительным образом связаны с Россией. И хорошо, что вышло именно так, – конечно, жаль бедного Бродского. Но кто знает, какой вред они могли причинить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.